

Яков Михайлович ЗАХЕР (Я.Михайлов)

СЕН-ЖОСТ

ЖИЗНЬ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ИДЕОЛОГИЯ

Петроград: государственное издательство. 1922. 78 с.

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.ru) и [Век Просвещения](http://vek-prosvещения.ru), 2009.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа вызвана желанием содействовать удовлетворению той же самой задачи, к осуществлению которой были направлены и предыдущие работы автора — «Парижские секции 1790—1795 г.г.» и «Жак Ру» — ознакомлению широкой публики с народной историей французской революции. Но если первые два выпуска стремились осуществить эту цель путем положительным, давая описания отдельных моментов этой истории, то настоящая работа имеет в виду добиться того же самого при помощи пути отрицательного. Знакомство с народным движением эпохи революции требует в качестве своего необходимого дополнения знакомства с противоположным ему движением буржуазным, наиболее полными выразителями которого являлись якобинцы — вот почему изучение идеологии Сен-Жоста, бывшего наиболее ярким выразителем классовой природы якобинизма, не может не оказать значительно!! пользы для понимания и усвоения противоположного якобинизма народного движения, идеологами которого были так называемые «бешенье».

Соответственно этой задаче настоящей работы, Петром тяжести таковой является ее вторая часть, посвященная анализу идеологии Сен-Жоста; что же касается первой части, содержащей изложение его жизни и деятельности, но она является как бы самостоятельным введением, рассчитанным на мало-подготовленного читателя, знакомого лишь с главными фактами истории французской революции, и ставит себе целью ознакомление читателя с биографией Сен-Жоста, без знания которой многие стороны его идеологии могли бы показаться случайными и непонятными явлениями, лишенными органической связи с личностью Сен-Жоста и эпохой, в которую он жил.

Петербург, январь 1922 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Жизнь и деятельность

- I. Детство и юность. Литературная и муниципальная деятельность. Избрание в Конвент
- II. Первые выступления. Процесс Людовика XVI. Выступление по продовольственному вопросу. Участие в работах по составлению конституции. Доклад о жирондистах
- III. Участие в работах второго Комитета Общественного Спасения. Доклады о введении революционного порядка управления и об иностранцах. Литературные занятия
- IV. Командировка в рейнскую армию
- V. Командировка в северную армию. Борьба с эбертистами и дантонистами. Речь о внешней политике
- VI. Речь 26 жерминаля. Командировка на северный фронт. Поездка в Париж. Возвращение на фронт и победа при Флерюсе. 9 термидора

Часть II. Идеология

- I. Естественное право и добродетель. Охрана добродетели. Террор. Политические взгляды
 - II. Внешняя политика
 - III. Экономика. Денежное обращение. Продовольственный вопрос. Земледелие, торговля и промышленность
 - IV. Социальные отношения. Богатые и бедные. Право собственности
- #### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дополнительные материалы

- Полное собрание ссылок на книги, статьи, эссе о Сен-Жосте http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/SJ/sj_ind.htm
- Речь Сен-Жоста на суде над Людовиком XVI — в сборнике документов, составленном К. Барковой http://vive-liberta.narod.ru/biblio/berk_louis_1.htm
- Дополнение: Л.-А. Сен-Жост, фрагмент Республиканских установлений - об образовании А. Сен-Жост. Речь в защиту Робеспьера, не законченная 9 термидора II года (в новой редакции Т. Черновозерской)
- Л.и. Дезуре Веран - о Барере и Барер - о Робеспьере и Сен-Жосте («Воспоминания парижского буржуа»)
- КОНСТИТУЦИЯ 1793 года: альтернативные проекты и прения Н. Чуприн. Сен-Жост и вентозские декреты
- М. Филимонова. Сен-Жост как архетип революционера в европейской культуре
- Т. Черновозерская. О значении речи "О продовольствии" в эволюции мировоззрения Сен-Жоста
- М.-А. Шварц. Сен-Жост, или шевалье Органг. Перевод с франц. Урзової Екатерины
- Подборка документов «ТЕРРОР в ПОРЯДОК ДНЯ»
- Подборка документов ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг.)
- Подборка документов ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг.: монтаньяры, эбертисты, дантонисты «бешенье»

ЧАСТЬ I. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Детство и юность. Литературная и муниципальная деятельность. Избрание в Конвент.

Луи-Антуан ¹⁾ Сен-Жюст родился 25 августа 1767 г. в небольшом городке Десизе в провинции Ниверне. В 1776 г. ²⁾ отец его, отставной военный, переселился в местечко Блеранкур, недалеко от Нуайона, где он, воспользовавшись сделанными во время службы небольшими сбережениями, приобрел земельный участок, доходы с которого наряду с пенсией служили источником существования для всей семьи как при его жизни, так и после его смерти, последовавшей в 1777 г. Здесь в Блеранкуре Сен-Жюст и провел свои детские годы вплоть до поступления в коллегию в Суассоне, где он оказался одним из лучших учеников. По окончании коллегии Сен-Жюст отправился в Реймс для прохождения курса юридических наук, которого он впрочем не окончил и возвратился в родной Блеранкур для занятия литературной работой. Плодом этой работы явилась вышедшая в 1789 г. сатирическая поэма «Органт», написанная в обычном стиле сатириков того времени и не представляющая в настоящее время интереса ни с литературной, ни с исторической точки зрения.

В конце 1789 г. Сен-Жюст отправился в Париж, где, несмотря на краткость срока пребывания, успел побывать на многих заседаниях Национального Собрании и якобинского клуба и возвратился домой ярким сторонником революции. В течение следующих двух лет Сен-Жюст принимал деятельное участие в муниципальных делах Энского департамента и занимал высокий пост в местной национальной гвардии,

¹⁾ Хотя официальное имя Сен-Жюста было Луи-Антуан, он обыкновенно именовал себя Луи-Леон, считая это имя более красивым.

²⁾ А не «около 1773 г.», как полагает биограф Сен-Жюста Hamel («Histoire de Saint-Just», t. I, p. 34.). О семье Сен-Жюста см. заметку в журнале «Annales Révolutionnaires», 1913, p. p. 411—413 и статью Maurice Dommanget там же, p. p. 517—521.

во главе которой он и явился в Париж во время праздника Федерации 14 июля 1791 г. Это же участие Сен-Жюста в муниципальных делах дало ему повод написать 19 августа 1790 г. Робеспьеру письмо, проникнутое самым горячим поклонением и явившееся началом их последующей дружбы.

На ряду с практической деятельностью, Сен-Жюст не оставлял и литературной работы, но под влиянием духа времени перешел от изящной литературы к политическому трактату—в середине 1791 г. вышла его книга «Дух французской революции и конституции». «На это произведение, говорит в своих мемуарах Барер ¹⁾, обратили внимание просвещеннейшие политические деятели Учредительного Собрания. Издание разошлось в несколько дней». Но это утверждение Барера вряд ли соответствует действительности—представляется совершенно непонятным, чтобы это произведение Сен-Жюста, решительно ничем не отличавшееся от сотен и тысяч выходивших в эти годы брошюр, памфлетов и статей, могло обратить на себя какое-либо внимание, и нам кажется очень вероятным, что Барер допустил здесь преувеличение, вполне понятное, если принять во внимание, что он писал свои мемуары тогда, когда имя Сен-Жюста пользовалось уже самой широкой известностью.

В дальнейшем нам придется более подробно касаться отдельных сторон «Духа Революции», и мы сейчас лишь мимоходом остановимся на этой книге Сен-Жюста. Отметим прежде всего, что ее основной тон—глубокое преклонение перед конституцией 1791 г. со всеми ее, без исключения, постановлениями. Если нас не может удивить, что Сен-Жюст является в этой книге сторонником монархии, ибо таковыми были в это время и все остальные якобинцы, то совершенно иное следует сказать по вопросу об избирательном праве. В то время, как многие якобинцы и в особенности Робеспьер, перед которым так преклонялся Сен-Жюст, уже в это время являлись сторонниками всеобщего избирательного права и решительно возражали против установленного конституцией 1791 г. разделения граждан на активных и пассивных, Сен-Жюст и в этом вопросе вполне одобряет постановления конституции, в которой он вообще видит лишь один «прегрешение» ²⁾. В этом восхвалении конституции 1791 г. в самых различных отношениях и заключается, в общих чертах, все содержание книги Сен-Жюста, и в этом отношении она, как мы уже отметили, решительно ничем не отличается от всей остальной массы литературы, появившейся во время и в связи с работами Конституанты.

Но если «Дух Революции» не представляет таким образом решительно никакого интереса в отношении политическом, то он, тем не

менее, является чрезвычайно ценным источником для выяснения генезиса основных идей Сен-Жюста и в частности идеи добродетели, но об этом нам придется говорить в иной связи.

Как бы то ни было и если даже и предположить, что юношеское произведение Сен-Жюста не могло произвести особенного впечатления в Париже, то на его родине, где Сен-Жюста хорошо знали по его муниципальной деятельности, дело должно было обстоять совершенно иначе, и Сен-Жюст, выставивший свою кандидатуру при выборах в Законодательное Собрание, имел все основания надеяться на успех. Но в самый последний момент, уже перед самыми выборами, судьба изменила Сен-Жюсту, и он по настоянию своих немногочисленных противников был исключен из списков избирателей, как «недостигший 25 лет. Этого возраста Сен-Жюст достиг 25 августа 1792 г., а в самом начале сентября происходили выборы в Национальный Конвент, и Сен-Жюст был избран депутатом от Энского департамента. 18 сентября 1792 г. молодой член Национального Конвента прибыл в Париж.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первые выступления. Процесс Людовика XVI. Выступление по продовольственному вопросу. Участие в работах по составлению конституции. Доклад о жирондистах.

Мы видели выше, что еще в середине 1791 г. Сен-Жюст был настроен довольно умеренно и являлся сторонником не только монархии, но и цензовой избирательной системы. Но события, пережитые Францией в 1792 г. и в особенности измена короля, ставшая к этому времени совершенно ясной, повлияли на Сен-Жюста так же, как и на громадное число его современников, и нет ничего удивительного в том, что, явившись в Париж, Сен-Жюст весьма близко сошелся с Робеспьером и сразу же примкнул к монаньярам, вступившим к этому времени в решительную борьбу с жирондистами. Впрочем, в первое время Сен-Жюст в Конвенте не выступал, и первой речью, произнесенной им в качестве депутата, была его речь 22 октября 1792 г. в якобинском клубе, в которой он решительно возражал против направленного к умалению революционной роли Парижа ¹⁾ жирондистского проекта создания для охраны Конвента особой стражи, набранной из департаментов ²⁾. В том же якобинском клубе была произнесена 4 ноября 1792 г. и его вторая речь, в которой он обличал контр-революционные намерения

¹⁾ Mémoires de Barère, t. IV, p. 407. Цитируем по книге Hamel'a «Histoire de Saint-Just», t. I, p. 109.

²⁾ Œuvres complètes de Saint-Just avec une introduction et des notes par Charles Vellay. Paris 1908, t. I, p. 344.

¹⁾ Известно, что жирондисты, являвшиеся представителями крупной торговой буржуазии юга Франции, опирались на провинцию, тогда как выражавшие интересы мелкой торгово-промышленной буржуазии Парижа якобинцы считались главн. обр. с желаниями этого последнего.

²⁾ Речь эта, изданная затем отдельной брошюрой, помещена у Vellay, t. I, p. p. 352—361.

жирондистов¹⁾), и лишь 13 ноября Сен-Жюст впервые выступил в Конвенте с речью²⁾), сразу же доставившей ему самую широкую популярность.

В этот день в Конвенте происходили прения по вопросу о том, может ли быть судим Людовик XVI, и в то время, как одни утверждали, что он должен быть судим как простой гражданин, другие, наоборот, доказывали, что бывший король является лицом неприкосновенным. Сен-Жюст выступил как против первой, так и против второй точки зрения—он находил, что смерть Людовика XVI должна быть декретирована Конвентом без всякой судебной процедуры. Отвергая сложные юридические построения предыдущих ораторов, Сен-Жюст доказывал, что Людовик XVI должен умереть как враг народа, смерть которого необходима для упрочения завоеванной Францией свободы, должен умереть хотя бы по одному тому, что «нельзя безнаказанно царствовать»³⁾). Речь Сен-Жюста произвела громадное впечатление, и молодой депутат, дотоле почти никому неизвестный, сразу же стал одним из популярнейших людей Франции.

Что же касается вопроса о суде над королем, то жирондистское большинство Конвента, бывшее, в сущности, против суда над Людовиком XVI и уступавшее лишь под давлением парижских народных масс, не могло, конечно, согласиться с решительным предложением молодого депутата и постановило предать короля суду самого Конвента. 11 декабря Людовик XVI предстал перед Конвентом, 26 состоялось выступление защиты, а 27 начались прения.

Первым взял слово Сен-Жюст и произнес длинную речь⁴⁾), в которой он, повторяя основные мысли своей речи 13 ноября, вместе с тем детально анализировал все поведение короля за революционные годы и приходил к выводу о его безусловной виновности. Эта речь Сен-Жюста была, как и предыдущая, встречена левой частью Конвента с таким восторгом, что председательствовавшему в заседании Бареру пришлось призвать депутатов к порядку и указать на недопустимость какого бы то ни было шума при обсуждении столь важного вопроса. Нет надобности добавлять, что при голосовании вопроса о судьбе короля Сен-Жюст был в числе 387 депутатов, высказавшихся за смертную казнь, и 423, отвергнувших обращение к народу.

Если таким образом в вопросе о суде над королем Сен-Жюст с самого начала стал в решительную оппозицию к жирондистам, то менее враждебным был он им в этот период—так же, впрочем, как и все остальные якобинцы—в вопросах экономических, хотя и здесь

его взгляды далеко не совпадали со взглядами приверженцев Роллана и Бриссо¹⁾).

Экономическая политика старого режима, стремившаяся (из страха перед восстаниями) гарантировать Парижу дешевый хлеб и прибегавшая для этого к всевозможным стеснениям хлебной торговли, приучила население Парижа видеть единственное спасение от голода в государственной регламентации хлебной торговли, и вполне естественно, что когда осенью 1792 г. продовольственный вопрос чрезвычайно обострился и дороговизна достигла довольно значительных размеров, парижские народные массы потребовали применения прежде практиковавшихся мероприятий. Вот почему 29 ноября 1792 г. в Конвент явилась делегация Парижской Коммуны, просившая об установлении твердых цен на съестные припасы. Вполне понятно, что жирондисты, бывшие выразителями интересов купечества и большинство коих являлось сторонниками физиократических идей и считало, что дороговизна является результатом незаконно производимого стеснения свободы торговли, высказались решительно против предлагаемых Коммуной мероприятий и потребовали, напротив того, провозглашения полной свободы внутренней хлебной торговли.

Что же касается якобинцев, то они в этот момент еще не имели твердо-установившейся точки зрения на продовольственный вопрос—с одной стороны они, в противоположность жирондистам, не были материально заинтересованы в отставании свободы торговли, с другой же стороны дороговизна к этому времени еще не настолько возросла, чтобы особенно сильно тревожить мелкую буржуазию. Вот почему якобинцы в этот момент относились к продовольственному вопросу довольно индифферентно и лишь тогда сделались сторонниками таксации предметов первой необходимости, когда увидели в этом удобное средство для возбуждения народных масс против жирондистов. Поэтому вполне понятно, что когда в связи с выступлением Коммуны от 29 ноября в Конвенте завязался спор, в котором принял участие и Сен-Жюст, выступивший с большой речью²⁾), то он хотя и высказывался так же, как и жирондисты, за свободу внутреннего товарооборота, вместе с тем считал основной причиной продовольственного кризиса падение ценности ассигнаций и поэтому видел выход лишь в сокращении эмиссии³⁾ и превращении поземельного налога в натуральный.

На ряду со своими выступлениями по вопросам экономическим и политическим, Сен-Жюст принимал деятельное участие и в работе организационно-практического характера—28 января 1793 г. он произ-

¹⁾ Там же, р. р. 362—63.

²⁾ Там же, р. р. 364—372. Русский перевод этой речи помещен в книге К. Н. Беркова «Процесс Людовика XVI», 1920, стр. 48—51.

³⁾ Vellay, t. I, p. 369.

⁴⁾ Там же, р. р. 386—399, Беркова стр. 113—114.

¹⁾ Впрочем, интересно отметить, что речь Сен-Жюста 29 ноября удостоилась горячей похвалы со стороны Бриссо. Hamel, op. cit., t. I, p. 155.

²⁾ Vellay, op. cit., t. I, p. 373—385.

³⁾ Ту же мысль о необходимости сокращения эмиссии Сен-Жюст отстаивал и в своей речи 28 января 1793 г., посвященной вопросу о реорганизации военного министерства.

носит речь ¹⁾, в которой, как бы частично предупреждая позднейшую организацию Комитета Общественного Спасения, требует подчинения военных властей не Временному Исполнительному Комитету, а непосредственно Конвенту, а 12 февраля ²⁾ горячо поддерживает предложение Дюбуа-Кранса о реформе армии. Более того—в марте 1793 г. Сен-Жюст отправляется в командировку в Энский департамент и Арденны ³⁾, результатом чего была его речь 31 марта в якобинском клубе ⁴⁾, в которой он доказывал неспособность жирондистского правительства организовать оборону и обвинял в предательстве военного министра Бернонвилля.

Одновременно со всеми этими занятиями Сен-Жюст принимает деятельное участие в работе Конвента по составлению новой конституции. 24 апреля он произносит речь, в которой излагает свои взгляды на задачи конституции, и предлагает составленный им проект таковой ⁵⁾, 15 мая выступает с речью, в которой отстаивает против жирондистов идею сильной централизации ⁶⁾, а 24 мая решительно высказывается за единство городского муниципального управления ⁷⁾. Вот почему было вполне естественно, что когда Национальный Конвент 30 мая признал необходимым пополнить для работ по составлению конституции состав образованного им 6 апреля Комитета Общественного Спасения, к составу последнего был вместе с Эро-Сешеллем, Кутоном, Матье и Рамелем присоединен также и Сен-Жюст.

Войдя в состав Комитета Общественного Спасения, Сен-Жюст не только принимает деятельное участие в составлении проекта конституции 1793 г., но сразу же становится в центре всей вообще работы Комитета, особенно усилившейся после происшедшего 2 июня падения жирондистов. 15 июня он вместе с Камбоном и Дельмасом входит в состав комиссии, образованной для разработки мер, необходимых для борьбы с внутренней контр-революцией, а 16 июня Комитет поручает ему (сперва совместно с Камбоном, а затем, по постановлению 19 июня—единолично) составление доклада Конвенту о контр-революционной деятельности жирондистов, изгнанных 2 июня из состава Конвента. 24 июня Сен-Жюст представил Комитету проект своего доклада, 2 июля он был принят, и 8 июля Сен-Жюст выступает перед Конвентом в качестве докладчика Комитета Общественного Спасения ⁸⁾.

Сен-Жюст начал свой доклад с рассмотрения поведения жирондистов до 10 августа 1792 г. и, совершенно искренно забывая, что не только он сам, но и все вообще монтаньяры были в свое время поклон-

никами монархии и конституции 1791 г., упрекает жирондистов в том, что они «до 10 августа высказывали сильное сочувствие идее монархии» ¹⁾. Переходя затем к деятельности жирондистов после провозглашения республики, Сен-Жюст, тщательно разбирая все их поступки, приходит к выводу, что план жирондистов заключается в том, чтобы разделить Францию на части, вызвать в ней гражданскую войну и, поселив этим способом в населении ненависть к республике, тем самым подготовить восстановление монархии, каковое Сен-Жюст и считает конечной целью жирондистов.

Разбирая в настоящее время эти мысли Сен-Жюста, мы, конечно, видим глубокую неправильность, заключающуюся в усвоенном Сен-Жюстом понимании политической роли жирондистов. Нет надобности останавливаться на доказательстве этой неправильности, она ясна сама собой, но из этого еще далеко не следует, что доклад Сен-Жюста может быть рассматриваем как результат полной политической безграмотности его автора. Как раз наоборот, если *субъективно* жирондисты были так же мало монархистами, как и якобинцы, и всякое обвинение их в умышленном стремлении к восстановлению монархии должно быть поэтому решительно отвергнуто, то *объективно* контр-революционное движение, затеянное жирондистами перед лицом врага, открыто ставившего своей целью восстановление во Франции старого режима, было, несомненно, крупным козырем в руках сторонников монархической реставрации. Вот почему доклад Сен-Жюста должен быть оценен беспристрастным историком как образец глубокого политического чутья, и лучшим доказательством правильности усвоенного докладчиком Комитета Общественного Спасения понимания стремлений жирондистов является последовавшее через четыре дня после прочтения доклада убийство Марата сторонницей жирондистов Шарлоттой Кордэ.

Доклад Сен-Жюста встретил в Конвенте полное одобрение, предложенные им меры—объявление изменниками бежавших жирондистов Бюзо, Барбару, Горза, Ланжюинне, Салля, Лува, Бургуена, Бирото и Петрона и предание суду, как их соучастников, Жансонне, Гюадэ, Вернио, Моллево и Гардиена—были вскоре приняты, а через два дня после доклада, 10 июля, Комитет Общественного Спасения был переизбран, и в его состав вошел и Сен-Жюст, получивший при выборах 126 голосов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Участие в работах второго Комитета Общественного Спасения. Доклады о введении революционного порядка управления и об иностранцах. Литературные занятия.

Второй Комитет Общественного Спасения (который не следует смешивать с первым, апрельским, руководимым Дантоном) был

¹⁾ Vellay, op. cit., II, p. 6.

¹⁾ Vellay, op. cit., t. I, p. 401—409.

²⁾ Там же, p. 412—416.

³⁾ Там же, p. 417. Биограф Сен-Жюста Hamel об этой командировке умалчивает.

⁴⁾ Vellay, op. cit., t. I, p. 417.

⁵⁾ Там же, t. I, p. 418—454.

⁶⁾ Там же, t. I, p. 455—459.

⁷⁾ Там же, t. I, p. 460—464.

⁸⁾ Там же, t. II, p. 1—32.

избран 10 июля 1793 г. и первоначально состоял из девяти членов: Жан-Бон Сент-Андре, Барера, Гаспарена, Кутона, Тюрио, Сен-Жюста, Приера (из Марны), Эро-Сешелля и Робера Линде. В конце июля Гаспарен был заменен Робеспьером, вскоре после него в Комитет вошли еще Карно и Приер (из Кот д'Ора), позднее были введены Колло д'Эрбуа и Бильо-Варенн. После отставки Тюрио и казни Эро-Сешелля, в Комитете Общественного Спасения осталось 11 членов, в каком составе Комитет и просуществовал до 9 термидора.

Хотя при распределении функций между членами Комитета Общественного Спасения на Сен-Жюста была возложена разработка теоретических вопросов законодательства, но он никогда не ограничивался этими рамками, и уже 18 июля Комитет постановил командировать Сен-Жюста в департамент Эны, Уазы и Соммы «для выполнения поручения государственной важности»¹⁾. Среди сохранившихся источников нет указаний на то, выполнил ли Сен-Жюст это поручение—во всяком случае известно, что уже 29 июля он присутствовал на заседании Комитета Общественного Спасения²⁾, а в начале августа в те же самые департаменты были командированы другие члены Конвента, вследствие чего есть полное основание предположить, что поездка Сен-Жюста по каким-то причинам не состоялась. Во всяком случае несомненно, что уже с самого своего вступления в Комитет Общественного Спасения, Сен-Жюст принимал самое деятельное участие в организации военной обороны—на это ясно указывают найденные 9 термидора в его столе заметки, относящиеся к июлю—августу 1793 г. и содержащие целый ряд данных о военном положении Франции³⁾. В связи с этим участием Сен-Жюста в военных делах стоит, повидимому, и его относящееся к этому времени намерение отправиться на фронт, как на то указывают последние слова дошедшего до нас его сентябрьского письма к своему другу детства Тюплье⁴⁾, но протоколы Комитета Общественного Спасения доказывают, что это намерение Сен-Жюста не было осуществлено, так как весь сентябрь и первую половину октября Сен-Жюст неизменно присутствует на всех заседаниях Комитета.

Август и сентябрь 1793 г. были временем, необычайно тяжелым для революционной Франции, истощавшей в эти дни под ударами внешнего врага и внутренних контр-революционных восстаний. С трех сторон—на севере, в Эльзасе и в Пиренеях, французские армии отступали под ударами противника. Лион восстал, а крупнейшая морская крепость средиземноморского побережья—Тулон—пере-

дался в руки англичан. При этих условиях не могло быть, конечно, и речи о немедленном осуществлении демократической конституции 1793 г. Францию могла спасти лишь твердая и решительная централизованная власть, не останавливающаяся ни перед какими соображениями законности и гуманности, и вечной заслугой якобинцев перед историей является то, что они с необычайной ясностью отдали себе отчет о необходимости самых решительных мер, которые одни могли спасти Францию и революцию. Результатом этого и явилась система так называемого террора, принятая Национальным Конвентом осенью 1793 г., в организации коей Сен-Жюст сыграл самую значительную роль.

19 вандемьера (10 октября) он выступает в Конвенте с докладом от имени Комитета Общественного Спасения¹⁾, в котором описывает тяжелое положение Франции как в экономическом, так и в политическом отношении, устанавливает неспособность слишком слабого и бюрократизировавшегося правительства вывести страну из этого положения и приходит к выводу о необходимости подчинения правительства Комитету Общественного Спасения, так как «революционные законы будут осуществляться только тогда, когда и правительство будет организовано по революционному!»²⁾.

Результатом этого доклада Сен-Жюста явился знаменитый декрет Конвента от того же дня, в силу которого введение в действие конституции 1793 г. откладывалось до заключения мира, впредь до чего в стране устанавливался революционный порядок управления.

Через шесть дней после этого закона—25 вандемьера (16 октября) Сен-Жюст снова выступает перед Конвентом в качестве докладчика Комитета Общественного Спасения, на этот раз с ответом на предложение депутата Понса распространить на всех иностранцев предупредительные полицейские меры, незадолго перед тем принятые по отношению к англичанам³⁾. Соглашаясь с желательностью применения по отношению ко всем иностранцам этих мер, Сен-Жюст вместе с тем высказывается против распространения на все враждебные страны принятого по отношению к Англии запрета торговых сношений, мотивируя это тем, что если прекращение торговли с Англией, поставившей Францию лишь фабрикаты, будет даже выгодным для французского денежного обращения, то Франция, наоборот, не может обойтись без торговли с другими странами, из которых она получает необходимое ей сырье. Конвент согласился с точкой зрения докладчика и принял предложенный им текст соответствующего постановления.

¹⁾ Hamel, op. cit., t. I, p. 273.

²⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. 46.

³⁾ Эти заметки бы и напечатаны Барером в его мемуарах и перепечатаны в издании Vellay, t. II, p. 32—43.

⁴⁾ Там же, p. 62—63.

¹⁾ Vellay, op. cit., p. p. 75—89.

²⁾ Там же, p. 83.

³⁾ Там же, p. p. 94—102.

На ряду со своей работой в Комитете Общественного Спасения и Конвенте, Сен-Жюст продолжал и свои литературные занятия, и в найденных после его смерти бумагах сохранилось несколько отрывков, написанных в 1793—94 г.г. и представляющих весьма ценный источник для выяснения идеологии молодого якобинца ¹⁾.

Неустанная работа Сен-Жюста, его бескорыстность, честность и глубокая преданность делу революции не могли не обратиться на него всеобщего внимания, и вполне понятно, что уже вскоре после своего вступления в состав Комитета Общественного Спасения Сен-Жюст стал играть в нем выдающуюся роль. Член Конвента Левассер говорил в своих мемуарах, что он «почти может утверждать, что Сен-Жюст играл в нем (т.-е. Комитете) большую роль, чем Робеспьер» ²⁾. Даже если и признать слова Левассера преувеличенными, то все же несомненно, что Сен-Жюст был уже осенью 1793 г. одним из наиболее влиятельных членов Комитета Общественного Спасения. Поэтому вполне понятно, что когда в октябре 1793 г. обнаружилось критическое положение рейнской армии и было решено послать туда людей, могущих предпринять решительные мероприятия, необходимые для улучшения положения вещей, Комитет Общественного Спасения 26 вандемьера (17 октября) постановил отправить в рейнскую армию с неограниченными полномочиями Сен-Жюста и его друга Леба (члена Комитета Общей Безопасности), что было подтверждено постановлением Конвента от 1 брюмера (22 октября).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Командировка в рейнскую армию.

Задача, возложенная Конвентом на Сен-Жюста и Леба, была необычайно трудной. Реформа армии, предпринятая незадолго до того Конвентом и в проведении которой участвовал, как мы уже видели, и Сен-Жюст, к рассматриваемому времени еще не успела дать ожидаемых результатов, и французское войско сильно страдало от плохой организации продовольствия и снабжения, почти полного отсутствия дисциплины и явно контр-революционного настроения высшего командного состава. При этих условиях фронт держался лишь потому, что раздираемый внутренними раздорами противник не предпринимал решительного наступления и держался пассивно и малейшее увеличение сил противника, как материальное, так и дипломатическое, грозило французской армии самыми неприятными последствиями.

¹⁾ Отрывки эти были изданы в 1801 и 1831 г.г. под названием «Fragments d'institutions républicaines» и вошли в состав т. II издания Vellay.

²⁾ Mémoires de Levasseur, t. II, p.p. 324—25. Цитируем по Hamel, op. cit. t. I, p. 268.

Нечто подобное и произошло 13 октября 1793 г., когда неприятельская армия прорвала французскую оборонительную линию у Виссембурга, и весь Эльзас оказался под угрозой немецкой оккупации. А за австро-прусскими войсками шли эмигранты—они не только ретупали как победители в занятии неприятелем местности, но зачастую шли вперед армии и тайно пробирались в прифронтовую полосу, чтобы путем провокации возбуждать там недовольство населения и тем содействовать делу контр-революции.

Такое было положение рейнской армии, когда Сен-Жюст и Леба прибыли 1 брюмера (22 октября) на фронт и сразу же приняли самые решительные мероприятия для коренного изменения создавшейся там атмосферы. Прежде всего они озаботились численным пополнением армии и улучшением ее вооружения—в самый день своего прибытия на фронт, народные уполномоченные при рейнской армии предписывают властям ближайших департаментов произвести мобилизацию и включить мобилизованных в состав действующей армии ¹⁾, а 3 брюмера они обращаются в Комитет Общественного Спасения с просьбой о присылке подкреплений и вооружения ²⁾.

Но армия страдала не только от численной слабости, а главным образом и прежде всего от плохой организации снабжения, и Сен-Жюст и Леба сразу же принимают целый ряд мер, направленных к устранению этого основного недостатка. Даем перечень некоторых мероприятий этого рода, притом далеко не всех, а лишь наиболее важных:

7 брюмера местным учреждениям предписывается при снабжении армии продовольствием строго придерживаться закона о максимуме ³⁾.

10 брюмера Страсбургскому муниципалитету предписывается произвести у местного населения реквизицию 5000 пар сапог и 15.000 рубак ⁴⁾.

В тот же день на жителей г. Страсбурга налагается принудительный заем в размере 9 миллионов ливров ⁵⁾.

13 брюмера объявляется реквизиция соломы ⁶⁾.

24 брюмера предписывается реквизиция мешков ⁷⁾.

В тот же день предложено Страсбургскому муниципалитету приготовить в квартирах состоятельных граждан 2000 кроватей для раненых ⁸⁾.

25 брюмера муниципалитету гор. Страсбурга дается следующий лаконический приказ: «В армии 10.000 босых. Вам предписывается

¹⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. 106.

²⁾ Там же, t. II, p. 109—111.

³⁾ Там же, t. II, p. 116.

⁴⁾ Там же, t. II, p. 123.

⁵⁾ Там же, t. II, p. p. 124—125.

⁶⁾ Там же, t. II, p. 127.

⁷⁾ Там же, t. II, p. 143.

⁸⁾ Там же, t. II, p. 141.

в течение сегодняшнего дня разуть всех страсбургских аристократов. Завтра, в 10 час. утра, 10.000 пар сапог должны быть отправлены в главную квартиру. Сен-Жюст, Леба» ¹⁾).

В тот же день предписывается реквизиция верхнего платья ²⁾).

5 фримера предписывается реквизиция лошадей и телег, и на местное население возлагается трудовая повинность по перевозке раненых ³⁾).

9 нивоза предписывается всем состоятельным гражданам городов Страсбурга, Цаберна, Гагенау, Ландау, Виссембурга и кантонов Нижне-Рейнского департамента содержать у себя в течение всей зимы по одному раненому солдату ⁴⁾).

Забываясь о продовольствовании и снабжении армии, уполномоченные Конвента не забывали и интересов местного населения. Согласно упомянутому выше постановлению 10 брюмера о принудительном займе, из общей суммы 9 миллионов, «два миллиона будут употреблены на нужды неимущих патриотов Страсбурга» ⁵⁾).

Через 5 дней, 15 брюмера, страсбургскому мэру предписывается раздать неимущему населению в счет этой суммы сто тысяч ливров ⁶⁾).

21 брюмера предписывается раздать еще пятьдесят ⁷⁾), а 22—еще пятьсот тысяч ⁸⁾).

На ряду со всеми этими мероприятиями, направленными к улучшению материального положения армии и населения, Сен-Жюст и Леба предпринимает ряд шагов, имеющих своей целью улучшение моральных качеств армии и в частности поднятие дисциплины.

3 брюмера принимается ряд мер для борьбы с дезертирством ⁹⁾).

9 брюмера издается приказ, предписывающий командному составу ночевать в палатках при своих частях ¹⁰⁾).

15 брюмера устанавливаются строгие правила, регулирующие охрану гор. Страсбурга и условия посещения его военнослужащими ¹¹⁾).

28 фримера запрещаются, начиная с 30 фримера, отпуска для высшего командного состава и сохраняются отпуска лишь для солдат и унтер-офицеров ¹²⁾).

Легко понять, что все эти мероприятия уполномоченных Конвента, больно бившие по карману более состоятельной части местного населения и возмущавшие худшую часть армии, успевшую привыкнуть

к разгильдяйству и отсутствию дисциплины, должны были вызвать сильнейшее сопротивление со стороны указанных элементов, и Сен-Жюст и Леба, отправляясь на фронт, прекрасно отдавали себе отчет в тех средствах, коими им предстоит бороться с этим сопротивлением. Хорошо понимая, что террор, применяемый Комитетом Общественного Спасения в отношении всей страны, особенно необходим именно на фронте, народные уполномоченные при рейнской армии уже 2 брюмера—на следующий день после своего прибытия—издают приказ, учреждающий в гор. Цаберне революционную комиссию из пяти членов, уполномоченную расследовать всех уличенных в оказании содействия неприятелю и заключать в тюрьму всех заподозренных в этом преступлении ¹⁾).

Впоследствии функции этой комиссии были переданы другим учреждениям, в ведение коих вошло также суждение по делам о должностных преступлениях военнослужащих и чиновников, а приказом 21 брюмера было постановлено, что имущество лиц, казненных по обвинению в вышеозначенных преступлениях, подвергается конфискации ²⁾).

Террор, признанный Сен-Жюстом и Леба необходимым для реального осуществления мер, принятых ими для реорганизации рейнской армии, применялся ими в самых различных направлениях, соответствовавших многообразию стоявших перед ними задач. Прежде всего нужно было бороться с контр-революцией массовыми мерами, и приказ уполномоченных от 9 брюмера предписывает Наблюдательному Комитету гор. Страсбурга произвести в городе повальные обыски для ареста всех подозрительных ³⁾).

16 брюмера страсбургскому муниципалитету было предписано арестовать в течение 24 часов всех граждан, занимавших до 31 мая 1793 г. должности председателей и секретарей секций, и всех вообще лиц, заподозренных в сочувствии жирондистам ⁴⁾), а 26 фримера Сен-Жюст и Леба предписывают местному Революционному Трибуналу сообщить им обо всех мерах, принятых им для ареста сторонников неприятеля и аристократов ⁵⁾).

Нам уже приходилось упоминать, что впереди неприятельской армии шли многие эмигранты из уроженцев Эльзаса, которые тайно проникали в прифронтовую полосу и, пользуясь своими связями и знанием местности, доставляли противнику ценные сведения о французской армии. Поэтому, кроме массовых мер для борьбы с контр-революцией, нужно было принять и специальные меры для борьбы со шпионством, и уполномоченные Конвента сделали все необходимое, и в этом отношении, 10 брюмера был издан приказ, грозящий смертной казнью всем лицам, тайно пробравшимся в Страсбург ⁶⁾), а 12 брюмера

¹⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. 147.

²⁾ Там же, t. II, p. 147.

³⁾ Там же, t. II, p. 151.

⁴⁾ Там же, t. II, p. 160.

⁵⁾ Там же, t. II, p. 125.

⁶⁾ Там же, t. II, p. 132.

⁷⁾ Там же, t. II, p. 139.

⁸⁾ Там же, t. II, p. 141.

⁹⁾ Там же, t. II, p. 109.

¹⁰⁾ Там же, t. II, p. 119.

¹¹⁾ Там же, t. II, p. 132—33.

¹²⁾ Там же, t. II, p. 150.

¹⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. p. 106—107.

²⁾ Там же, t. II, p. 139.

³⁾ Там же, t. II, p. 120.

⁴⁾ Там же, t. II, p. 134.

⁵⁾ Там же, t. II, p. 134.

⁶⁾ Там же, t. II, p. 123.

были распущены управление департамента Нижнего Рейна, муниципалитет гор. Страсбурга и управление страсбургского дистрикта, а члены их, заподозренные в сношениях с эмигрантами, были арестованы ¹⁾.

Но опасность исходила не только извне, от эмигрантов и шпионов, исходила она и изнутри, из рядов самой французской армии, во главе которой в значительной части стоял прежний, до-революционный командный состав, в своем громадном большинстве настроенный к революции чрезвычайно враждебно. Нужно было бороться и с контр-революционными прописками офицеров-дворян, и Сен-Жюст и Леба, еще 9 брюмера писавшие Комитету Общественного Спасения—«мы постоянно заняты чисткой рядов офицерства, среди которого очень мало патриотов» ²⁾, выказали в этом направлении неустанную энергию. То же самое следует сказать и относительно их борьбы с нерадением и злоупотреблениями чиновников. Мы уже видели, что военным судам было поручено рассмотрение дел о должностных преступлениях, наказуемых смертной казнью, а 10 брюмера уполномоченные Конвента издали следующее краткое, но недвусмысленное постановление:

«От должностных лиц Республики не будет приниматься никаких оправданий в их служебных упущениях. Они почувствуют, что жизнь мошенников отныне находится в опасности» ³⁾.

Строго карая обыкновенные должностные преступления, Сен-Жюст и Леба с сугубою строгостью обращались с лицами, примазавшимися к революции и пользовавшимися ею для своего преступного обогащения. Особенно интересна в этом отношении судьба прокурора Революционного Трибунала Шнейдера, бывшего священника, вызвавшего сильнейшую ненависть населения вопиющими злоупотреблениями вверенной ему власти. 23 фримера этот Шнейдер позволил себе въехать в Страсбург на колеснице, везомой шестью лошадьми и окруженной большим конвоем с оголенными саблями. Узнав об этом, Сен-Жюст и Леба в тот же день издали приказ, коим Шнейдер отрешался от должности и после выставления у позорного столба на улицах Страсбурга подлежал отправке в Париж для передачи в распоряжение Комитета Общественного Спасения ⁴⁾. В Париже Шнейдер был предан суду Революционного Трибунала и 11 жерминаля II года он был гильотинирован ⁵⁾.

Кроме эмигрантов и контр-революционных офицеров и чиновников, сильно вредили делу защиты страны многочисленные спекулянты, пользовавшиеся тяжелым материальным положением армии для наживы. Вполне понятно, что борьба со спекуляцией и спекулянтами составляла одну из важнейших забот Сен-Жюста и Леба. В числе

многочисленных мероприятий этого рода отметим приказ 17 брюмера о конфискации имущества лиц, уличенных в покупке солдатского обмундирования ¹⁾, и постановление 3 нивоза, согласно коему «будут сравнены с землей дома всех, обвиненных в ажиотаже и продаже по ценам выше максимальных» ²⁾.

Но было бы неправильно думать, что все мероприятия Сен-Жюста и Леба, направленные к осуществлению принятых ими для реорганизации рейнской армии мер, выражались исключительно в терроре. Считая террор неизбежным злом, без которого, к сожалению, невозможно обойтись, комиссары Конвента вместе с тем хорошо понимали, что главным залогом победы и укрепления революции является развитие народного просвещения. Вот почему, заботясь, с одной стороны, о поднятии боеспособности армии и применяя для осуществления необходимых в этом отношении мероприятий самые беспощадный террор, Сен-Жюст и Леба вместе с тем издают 9 нивоза декрет, предписывающий открытие в каждой коммуне или кантоне Нижне-Рейнского департамента по одной французской школе с бесплатным обучением—черта, чрезвычайно характерная для уразумения всего духа якобинизма ³⁾.

Мы исчерпали теперь все главнейшие мероприятия, принятые Сен-Жюстом и Леба для реорганизации рейнской армии. Остается лишь добавить, что, не будучи профессиональными военными, они тем не менее не отстранились от руководства военными операциями и дали Комитету Общественного Спасения целый ряд весьма ценных стратегических советов, значительно содействовавших победе французской армии ⁴⁾.

Результаты деятельности Сен-Жюста и Леба были блестящими—в два месяца, проведенные ими на фронте (если не считать нескольких дней, проведенных ими в отпуску в Париже), рейнская армия была совершенно реорганизована. 22 октября Сен-Жюст и Леба впервые прибыли в Эльзас, а 26 декабря Виссембургские позиции были захвачены французами, и угроза неприятельского нашествия была ликвидирована.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Командировка в северную армию. Борьба с эбертистами и дантонистами. Речь о внешней политике.

Сен-Жюст возвратился в Париж в начале января 1794 г. С 17 нивоза (6 января) он присутствует на заседаниях Комитета Общественного Спасения ⁵⁾ и принимает деятельное участие в его работах до

¹⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. 126.

²⁾ Там же, t. II, p. 122.

³⁾ Там же, t. II, p. 122.

⁴⁾ Там же, t. II, p. p. 153—154.

⁵⁾ Hamel, op. cit., t. II, p. 56.

¹⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. 138.

²⁾ Там же, t. II, p. 156.

³⁾ Там же, t. II, p. 160.

⁴⁾ Там же, t. II, p. p. 115—116. 128—129.

⁵⁾ Там же, t. II, p. 163.

3 плювиоза (22 января), когда Комитет постановляет отправить его (опять вместе с Леба) в качестве народного уполномоченного с неограниченными полномочиями в северную армию.

Эта командировка продолжалась всего две недели—с 9 по 24 плювиоза¹⁾, но в течение этого небольшого срока Сен-Жюст и Леба успели сделать чрезвычайно много для поднятия боеспособности северной армии, приняв по отношению к ней все меры, знакомые нам по их деятельности в Эльзасе. Не будем останавливаться на подробностях этих мероприятий и лишь отметим, что комиссарам Конвента удалось во время открытия в Мобеже заговор, долженствовавший передать город в руки неприятеля. Результатом этого явился ряд мер, принятых для борьбы с контр-революцией, в частности приказ 16 плювиоза, гласивший, что «все бывшие дворяне, находящиеся в пределах департаментов Па-де-Кале, Северного, Соммы и Эны, подлежат аресту в течение 24 часов по получении настоящего распоряжения и будут содержаться в одиночном заключении»²⁾.

Сен-Жюст вернулся в Париж 24 плювиоза (12 февраля) и с того же дня возвратился к исполнению своих обязанностей члена Комитета Общественного Спасения, а несколько дней спустя, 1 вантоза он был избран председателем Национального Конвента.

Возвращение Сен-Жюста из северной армии произошло в момент, чрезвычайно важный и во многом оказавший роковым как для дальнейшей судьбы той якобинской партии, к которой принадлежал Сен-Жюст, так и для судьбы самой революции. Это был момент, когда с полной очевидностью обнаружилось, что робеспьеристской группе якобинцев, державшей в своих руках Конвент и его правительственные комитеты и являвшейся выразительницей интересов мелкобуржуазной демократии Парижа, придется столкнуться с оппозицией, и притом с оппозицией двусторонней. С одной стороны, против якобинцев стояли представители буржуазной интеллигенции—дантонисты, считавшие, что с победой якобинцев над жирондистами революция должна быть закончена, и потому протестовавшие по ния требований гуманности против дальнейшего применения террора; с другой же стороны, якобинцам противостояли представители крайнего левого крыла мелкобуржуазной интеллигенции—так называемые эбертисты³⁾. сторонники крайнего террора, в своей борьбе за власть стремившиеся опереться на парижские народные массы, недовольные экономической политикой якобинцев. Борьба между якобинцами и их противниками, наметившаяся еще задолго до рассматриваемого периода, приняла

решительный оборот в конце февраля 1794 г. и Сен-Жюст сыграл в этой борьбе выдающуюся роль.

В заседании Конвента 4 вантоза (22 февраля 1794 г.), депутаты Тайфер и Брсар выступили с заявлением, что во многих местностях Франции проникшие в состав революционных комитетов темные личности злоупотребляют вверенной им властью и часто арестовывают без всякого повода ни в чем неповинных патриотов. Это было явное нападение на эбертистов, действительно часто доводивших террор до абсурда, и Конвент, согласившись с Тайфером и Бреаром, постановил предложить обоим правительственным комитетам представить доклад о способах прекращения подобных злоупотреблений. Составление этого доклада комитеты поручили Сен-Жюсту, и 8 вантоза (26 февраля) он выступил перед Конвентом с речью⁴⁾, в которой, высказываясь за необходимость освобождения арестованных на местах патриотов и предлагая поручить осуществление этого мероприятия Комитету Общей Безопасности, вместе с тем нападал на то течение (Сен-Жюст имел в виду дантонистов), которое требовало прекращения террора. Сен-Жюст доказывал, что террор необходим для спасения и упрочения республики и что до тех пор, пока враги Франции применяют террор, гораздо более жестокий, чем тот, к которому прибегает революционная Франция, последние ни в коем случае не может отказаться от террористической системы, необходимой для предотвращения гораздо более тяжелых жертв. При этом интересно отметить, что Сен-Жюст, нападая на дантонистов, с одной стороны хотел лишить их народной поддержки и с этой целью высказывался за принятие мер против злоупотребления террором, с другой стороны, желал обеспечить якобинцам поддержку социальных элементов, на помощь которых рассчитывали эбертисты. Вот почему в речи, произнесенной 13 вантоза (3 марта) в дополнение к своей речи от 8 числа⁵⁾, Сен-Жюст предлагал Конвенту издать декрет, согласно коему имущество, конфискованное у контр-революционеров, должно было поступить на улучшение положения нуждающихся патриотов. Конвент согласился с Сен-Жюстом, и им был принят декрет следующего содержания⁶⁾:

«Ст. 1. Всем коммуна Республика поручается составить списки нуждающихся патриотов, в которых должны быть указаны их фамилии, возраст, профессия, а также число и возраст их детей. Директориям дистриктов поручается в наискратчайший срок доставить эти списки Комитету Общественного Спасения.

Ст. 2. По получении этих списков, Комитету Общественного Спасения поручается представить доклад о способах облегчения положения бедняков при помощи средств, отнятых у врагов революции. Доклад этот будет составлен на основании проекта, выработка которого

¹⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. 185.

²⁾ Там же, t. II, p. 196.

³⁾ Эбертистов часто сменивают с так назыв. «бешеными», что является совершенно неправильным, т. к. в то время как эти последние являлись идеологами парижской полупролетарской бедноты и стремились главным обр. к экономическим реформам, эбертисты были лишь политически менее якобинцев и, усваивая иногда фразеологию «бешеных», прибегали к этому лишь как к агитационному средству.

⁴⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. p. 228—241.

⁵⁾ Там же, t. II, p. p. 247—248.

⁶⁾ Там же, t. II, p. 248.

поручается Комитету Общей Безопасности и подлежит опубликованию во всеобщее сведение.

Ст. 3. Вследствие этого ¹⁾ Комитету Общей Безопасности предлагается дать всем наблюдательным комитетам Республики предписания доставить в срок, который Комитет укажет каждому дистрикту в зависимости от его местоположения, списки всех арестованных с указанием их поведения после 1 мая 1789 г. То же самое будет относиться ко всем тем, кто будет арестован впоследствии».

Подготовив себе таким образом путем частичного принятия мероприятий, рекомендуемых обеими оппозиционными группами, почву для смертельной схватки с этими последними, якобинцы вслед за тем переходят в решительное наступление. Впрочем, повод к нему был дан самими эбертистами, которые, почувствовав опасность, 14 вантоза (4 марта) попытались устроить восстание против Конвента и его комитетов. Но вместо того, чтобы действовать во имя экономических интересов парижских народных масс, что одно могло обеспечить им поддержку этих последних, эбертисты выступили под флагом борьбы с дантонистами, и вполне понятно, что попытка их оказалась неудачной и лишь дала якобинцам законный повод для нападения.

23 вантоза (13 марта) Сен-Жюст выступил перед Конвентом с докладом от имени Комитета Общественного Спасения ²⁾, в котором, нападая одновременно на оба течения, из которых «одно влечет правительство к бездействию, а другое хочет заставить его слишком перусердствовать» ³⁾, обрушивался главным образом на эбертистов, которых рассматривал, как наемников иностранцев (*faction de l'étranger*) и обвинял в стремлении к развращению народа, направленном к подготовке монархической реставрации. Осуждая социальную фразеологию эбертистов, как потакающую эгоизму и низким страстям, и восхваляя в противоположность ей политику якобинцев, которые хотят дать народу «счастье, вытекающее из пользования всем необходимым без излишества» ⁴⁾, Сен-Жюст вместе с тем прибегал к аргументу, который особенно сильно должен был повлиять на народные массы и отвлечь их от эбертистов — обвинению последних в усилении го-

лода ¹⁾. В заключение своей речи, Сен-Жюст от имени Комитета Общественного Спасения предлагал Конвенту целый ряд мероприятий, направленных к борьбе с контр-революцией и выразившихся в усилении власти центрального правительства за счет муниципальных учреждений, в которых эбертисты находили себе главную опору.

Доклад Сен-Жюста был одобрен Конвентом единогласно, и арестованные в тот же день главнейшие представители эбертистов были преданы суду Революционного Трибунала и гильотинированы 4 жерминаля. Покончив таким образом с оппозицией слева, робеспьеристы обратились теперь против своих врагов справа — дантонистов, причем главнейшая роль в этом выступлении выпала опять-таки на долю Сен-Жюста.

25 вантоза (15 марта) по приказу Комитета Общественного Спасения были арестованы депутаты Эро-Сешелль и Симон, а через два дня — 27 вантоза Сен-Жюст выступил перед Конвентом с докладом от имени обоих правительственных комитетов ²⁾, в котором говорилось, что оба депутата арестованы за попытку сношений с арестованным эмигрантом, скрывавшимся на квартире Эро-Сешелля. Конвент подтвердил это мероприятие, бывшее первым (если не считать произведенного еще 24 нивоза — 13 января — ареста Фабр д'Эглантина по обвинению в подделке одного документа) ударом в сторону дантонистов, вскоре после чего — ночью с 10 на 11 жерминаля (30 — 31 марта) Комитеты Общественного Спасения и Общей Безопасности, собравшись на общее заседание, подписали арест депутатов Дангона, Делакура, Камилла Демулена и Филиппо. Предписание это было исполнено в 6 час. утра 11 жерминаля, а несколько часов спустя ³⁾ Сен-Жюст явился в Конвент и прочел доклад от имени обоих комитетов, наскоро составленный им на основании данных, сообщенных ему Робеспьером ⁴⁾. Доклад Сен-Жюста начинался с указания на то, что, победив эбертистов, Национальный Конвент еще далеко не покончил со всеми врагами республики, ибо иностранные правительства имеют во Франции агентов в лице не одной, а нескольких партий, хотя бы и резко враждебных друг другу. Переходя затем к анализу поведения Дантона

¹⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. 258, 259, 271, 277. Это обвинение Сен-Жюста было рассчитано на поддержку довольно распространенного в то время среди народа убеждения, что одной из причин усиления продовольственного кризиса была деятельность так называемой революционной армии (основанной по предложению эбертистов и все время ими поддерживаемой), осуществлявшей вокруг Парижа реквизиции, необходимые для проведения закона о максимуме.

²⁾ Там же, t. II, p. 286 — 288.

³⁾ В изданной в эпоху термидорианской реакции брошюре «P. A. Taschereau Fargues à Maximilien Robespierre aux Enfers», Paris an III, p. 16, приводится рассказ Вадье о том, что Сен-Жюст был против ареста дантонистов до рассмотрения их дела Конвентом и требовал их допущения на предстоявшее заседание. См. об этом заметку Charles Vellay в «Annales Révolutionnaires», 1908, p. 101 — 102.

⁴⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. 305 — 332. Вечером того же дня этот доклад был оглашен на заседании якобинского клуба.

¹⁾ Здесь имеется в виду принятый по предложению Сен-Жюста декрет 8 вантоза, гласивший: «Ст. 1. Комитету Общей Безопасности предоставляется право освобождать арестованных патриотов. Каждое лицо, которое будет просить об освобождении, обязано дать отчет о своем поведении после 1 мая 1789 года.

Ст. 2. Собственность патриотов священная и неприкосновенная. Имущество лиц, признанных врагами революции, будет конфисковано в пользу республики, эти лица будут находиться под стражей впредь до заключения мира, после чего будут навсегда изгнаны из пределов Франции».

Vellay, op. cit., t. II, p. 241.

²⁾ Там же, t. II, p. 256 — 279.

³⁾ Там же, t. II, p. 270.

⁴⁾ Там же, t. II, p. 267.

и его соратников с самого начала революции, Сен-Жюст приходил к выводу, что они неизменно стремились к восстановлению монархии, и требовал от имени обоих комитетов постановления о предании дантонистов суду Революционного Трибунала.

Оценивая этот доклад Сен-Жюста, следует повторить здесь все то, что мы говорили о его докладе по делу жирондистов. Не приходится, конечно, доказывать, что обвинение дантонистов в роялизме являлось злостной клеветой, нелепость которой Сен-Жюст вряд ли мог не сознавать,—но нужно иметь в виду, что обвинение своих противников в роялизме являлось в то время общепринятым способом политической борьбы, примененным, кстати сказать, 9 термидора и против самого Сен-Жюста и Робеспьера. Вот почему обвинение дантонистов в стремлении к восстановлению монархии, столь нелепое в наших глазах, вряд ли должно было особенно странно звучать в то время и являлось просто данью общепринятой фразеологии эпохи; с другой стороны, нужно помнить, что поведение дантонистов, требовавших прекращения террора до полной победы революционной Франции над ее противниками, *объективно* действительно являлось контр-революционным.

Постановление Конвента о предании дантонистов суду состоялось 11 жерминаля, но уже четыре дня спустя, 15 жерминаля, Конвенту пришлось вновь возвратиться к вопросу о дантонистах. Происходивший в Революционном Трибунале процесс Дантона и его соратников вызвал в Париже довольно сильное волнение, отчасти связанное с произносимыми дантонистами перед судом речами, содержащими призыв к восстанию, и отголоском этого волнения явился заговор в Люксембургской тюрьме. Заключенные этой тюрьмы, узнав о происходившем в Париже волнении, решили попытаться устроить народное восстание, направленное к свержению правительства и разгону Национального Конвента, но один из участников этого заговора довел о нем до сведения властей, и 15 жерминаля Сен-Жюст, явившись в качестве докладчика Комитета Общественного Спасения, сообщил Конвенту об открытии заговора ¹⁾. По предложению Сен-Жюста, Национальный Конвент принял постановление, предписывавшее Революционному Трибуналу прекращать прения и сразу же производить приговор по отношению ко всем подсудимым, оказывающим сопротивление народному правосудию, и в силу этого декрета дантонисты были приговорены к смерти и гильотинированы уже на следующий день, 16 жерминаля (5 апреля).

Борясь с дантонистами, Сен-Жюст в то же самое время боролся и с их политикой и в частности политикой внешней. В этом отношении

¹⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. p. 356—358.

чрезвычайно интересна речь ¹⁾, произнесенная им в Комитете Общественного Спасения в начале жерминаля в связи с рассмотрением вопроса о замене Временного Исполнительного Комитета двенадцатью комиссиями, непосредственно подчиненными Комитету Общественного Спасения, что и было осуществлено декретом Конвента от 12 жерминаля (1 апреля). Нам уже приходилось отмечать, что Сен-Жюст еще зимой 1792 г., анализируя экономическое положение Франции, видел единственный выход в сокращении выпуска ассигнаций, что, конечно, было связано с необходимостью крайней экономии в расходах, и вот этот-то принцип экономии и был положен Сен-Жюстом в основу его анализа французской внешней политики. Известно, что руководимый Дантоном первый Комитет Общественного Спасения затеял целый ряд переговоров, долженствовавших обеспечить Франции содействие нейтральных государств, причем переговоры эти продолжались министром иностранных дел Дефоргом и позднее, уже при втором Комитете Общественного Спасения. На эту-то политику Дефорга и ополчился Сен-Жюст.

Основное положение речи Сен-Жюста заключалось в том, что война Франции с коалицией есть вместе с тем война революции со старым режимом ²⁾, и поскольку Франция является единственным революционным государством, вполне естественно, что все остальные страны относятся к ней одинаково враждебно. Если же, тем не менее, имеются государства, не присоединяющиеся к анти-французской коалиции и сохраняющие нейтралитет, то делают они это из страха, а вовсе не из любви к Франции, вследствие чего нет никакой надобности тратить деньги на то, чтобы платить этим государствам за нейтралитет, который они сохраняют и без такого вознаграждения ³⁾.

«Главной заботой наших министров, продолжал далее Сен-Жюст, повидимому, всегда было стремление найти как можно больше способов для расходования национального имущества, и хотя министры менялись, но дух министерства оставался неизменным. Объясняется это тем, что громадные расходы, секретные по своему существу и уже во всяком случае не подлежащие никакому контролю, являются прекрасным полем деятельности для корыстолюбивых министров и для окружающей их толпы льстецов, стремящихся вместе с ними нажиться на счет казны» ⁴⁾.

¹⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. p. 333—350. Хотя от всей деятельности Комитета Общественного Спасения сохранились лишь его протоколы, и произносимые в нем речи до нас не дошли, речь Сен-Жюста о внешней политике сохранилась, повидимому, благодаря тому, что Сен-Жюст хотел ее опубликовать и снабдил ее даже особым предисловием для печати. Впрочем, намерение Сен-Жюста осталось, повидимому, неисполненным, и речь его была впервые опубликована в «Revue Rétrospective» от 31 октября 1835 г.

²⁾ Там же, t. II, p. 336.

³⁾ Там же, t. II, p. 337.

⁴⁾ Там же, t. II, p. 338.

Рассматривая затем политику Франции в отношении отдельных нейтральных государств, Сен-Жюст устанавливал полную бесцельность произведенных министром иностранных дел громадных расходов и, требуя прекращения старой политики, предлагал тратить свободные средства на подкуп не нейтральных, а враждебных Франции государств и их политических деятелей¹⁾.

Речь Сен-Жюста удостоилась со стороны Комитета Общественного Спасения полного одобрения—распоряжением обоих Комитетов от 13 жерминаля (2 апреля) министр иностранных дел Дефорж был арестован, и переговоры с нейтральными государствами были прекращены.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Речь 26 жерминаля. Командировка на северный фронт. Поездка в Париж. Возвращение на фронт и победа при Флерюсе. 9 термидора.

Правительственная партия торжествовала победу—внутренние враги, как справа, так и слева, были уничтожены, но положение Франции попрежнему оставалось чрезвычайно тяжелым. Коалиция монархических государств, несмотря на разъединявшие ее раздоры, все еще угрожала безопасности французских границ, а экономическое положение Франции с каждым днем ухудшалось—продовольственный вопрос все обострялся, а ассигнации падали в цене и к апрелю 1794 г. стоили лишь 36 % своей первоначальной ценности²⁾. Террористические мероприятия правительства, необходимые для борьбы с контр-революцией, совершенно разрушили нормальную экономическую жизнь и окончательно подорвали и без того расстроенные войной и блокадой торговлю и кредит. Теперь, когда все враги были побеждены, нужно было подумать об улучшении экономического положения страны, необходимым условием для чего было ее предварительное внутреннее успокоение, и о подготовке мира с монархической коалицией, достижение коего составляло *conditio sine qua non* такого успокоения.

Таковы были задачи, стоявшие на очереди перед якобинской партией в жерминале II года (апреле 1794 г.), и исполнение их было возложено опять-таки на Сен-Жюста, выступившего перед Конвентом с соответствующим докладом от имени обоих правительственных комитетов уже 26 жерминаля, т. е. всего лишь через десять дней после казни дантонистов³⁾.

Сен-Жюст начал свой доклад с описания тяжелого экономического положения Франции, являвшегося, по его мнению, результатом

деятельности ныне казенных контр-революционеров. Необходимым условием восстановления всей хозяйственной жизни страны является предварительное успокоение—«нужно укрепить все права, успокоить приобретателей (подразумевается национальных имуществ»¹⁾), т. е., другими словами, улучшить положение выигравших от революции имущих классов. Правда, казнь эбертистов, наводивших на имущие классы страх своей направленной к обеспечению себе поддержки немущих масс анти-собственнической фразеологией, уже до известной степени успокоила умы приобретателей национальных имуществ, но последние страдали не столько от фраз эбертистов, сколько от действий правительственных агентов, и поэтому вполне понятно, что Сен-Жюст в своей речи неоднократно возвращается к необходимости защитить интересы граждан от злоупотреблений революционных властей²⁾. Эта мысль Сен-Жюста о необходимости удовлетворения буржуазии красной нитью проходит через всю его речь 26 жерминаля, но на ряду с ней следует отметить и другую, относящуюся уже к сфере внешней политики. Если еще за три недели до того в рассмотренной нами выше речи перед Комитетом Общественного Спасения Сен-Жюст утверждал, что «чистотанаших принципов не допускает никаких соглашений, какой бы то ни было формой тираннии»³⁾, то теперь он в словах, направленных по адресу не столько Франции, сколько Европы, старается подготовить возможность соглашения. С этой целью он путем целого ряда юридических построений⁴⁾ пытается установить юридическую законность существующего во Франции республиканского строя и тем облегчить Европе возможность признания такового; с этой же целью он требует (необходимого таким образом по соображениям не только внутренней, но и внешней политики) внутреннего успокоения страны, утверждая что «Республика заслужит всеобщее уважение, если будет управляться справедливостью»⁵⁾ и восклицая «чтобы заслужить уважение Европы, вам стоит лишь захотеть этого»⁶⁾.

Но если таким образом необходимым условием для внутреннего возрождения Франции и мира с Европой Сен-Жюст считал ее предварительное успокоение, то, с другой стороны, он совершенно ясно признавал, что последняя цель может быть достигнута лишь в том случае, если Европа убедится в твердости и неуклонности французского правительства. Вот почему, призывая, с одной стороны, к успокоению, Сен-Жюст требовал, с другой стороны, усиления террора по отношению

¹⁾ Vellay, op. cit., p. 369.

²⁾ Там же, т. II, p. 375, 377, 380, 384. Та же самая мысль содержится в отрывках литературного произведения (Fragments d'institutions républicaines), написанных в это время Сен-Жюстом, Vellay, op. cit., t. II, p. 502. Впрочем мы видели, что еще в своей речи 8 вентоза Сен-Жюст указывал на необходимость борьбы со злоупотреблениями местных властей.

³⁾ Там же, т. II, p. 336.

⁴⁾ Там же, т. II, p. 376.

⁵⁾ Там же, т. II, p. 377.

⁶⁾ Там же, т. II, p. 380.

¹⁾ Там же, т. II, p. 350.

²⁾ С. А. Фалькнер. «Бумажные деньги французской революции», таблица VI на стр. 180.

³⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. p. 367---390.

к контр-революционерам и хотел «полного очищения родины от ее непримиримых врагов»¹⁾.

В заключение своей речи Сен-Жюст предлагал Конвенту целый ряд мероприятий, которые на следующий же день получили одобрение последнего и составили знаменитый закон 27 жерминаля. Содержание этого закона, сводившееся, с одной стороны, к усилению террора по отношению к дворянам и иностранцам, с другой стороны, предусматривало упорядочение администрации и суда, установление контроля над ними со стороны центральных органов власти и предоставляло гражданам права жаловаться в Комитет Общественного Спасения на злоупотребления властей. Особенно интересен § 22 этого закона, направленный к ограничению предоставленного местным властям права производства реквизиций, особенно тяготившего имущие классы, и § 24, гласивший²⁾:

«Комитет Общественного Спасения будет поддерживать посредством ссуд и премий работу фабрик и мануфактур, разработку припесков и осушение болот; он будет покровительствовать промышленности и поддерживать взаимное доверие между торговцами; он будет делать авансы купцам-патриотам, доставляющим продукты по максимальным ценам. Он гарантирует парижским купцам—импортерам неприкосновенность ввозимых ими товаров; он будет защищать свободу передвижения грузов внутри страны и не допустит никаких нарушений общественного доверия».

Намерениям Сен-Жюста о постепенном переходе к успокоению не было суждено осуществиться. В том же апреле 1794 г., в котором была произнесена только что разобранный речь Сен-Жюста, государствам анти-французской коалиции удалось, правда лишь ненадолго, договориться между собой, и близость нового наступления на Францию делалась весьма вероятной. Вместо успокоения приходилось думать о войне, и Комитет Общественного Спасения в своем заседании 10 флореаля (29 апреля) постановил командировать Сен-Жюста и Леба на северный фронт в качестве народных уполномоченных с неограниченными полномочиями. Выехав из Парижа в тот же день, депутаты прибыли 12 флореаля в Нойон, откуда Сен-Жюст заехал на несколько часов к своей жившей поблизости матери, а 14-го они уже были на фронте и немедленно приступили к исполнению возложенных на них обязанностей.

Произведенная в 1793 г. реорганизация армии успела уже принести свои плоды, и французская армия начала 1794 г. была как в техническом, так и в моральном отношении несравненно выше той, с которой Сен-Жюсту приходилось работать осенью 1793 г.; тем не

менее, то состояние, в котором нашли армию комиссары Конвента по приезде своем на фронт, оставляло еще во многом желать лучшего, и вполне естественно, что Сен-Жюст и Леба постарались прежде всего поднять все еще недостаточно высокий уровень дисциплины. С этой целью они уже 14 флореаля издали постановление¹⁾, строго регулировавшее право военнослужащих покидать свои части, а 27-го флореаля обратились к солдатам с воззванием²⁾, грозившим смертной казнью за всякое нарушение дисциплины.

На ряду с падением дисциплины приходилось бороться и с контр-революцией и шпионством, и постановление Сен-Жюста и Леба от 15 флореаля³⁾ грозит смертью всем агентам неприятеля и избитым в злоупотреблениях чиновникам.

На ряду с мероприятиями, имевшими целью поднятие дисциплины и вообще улучшение боеспособности армии, Сен-Жюст и Леба принимали деятельное участие и в стратегическом руководстве военными действиями, и совершившийся 21 флореаля переход французской армии в наступление, завершившийся (хотя и не сразу) крупными успехами, произошел под непосредственным руководством уполномоченных Комитета Общественного Спасения. При этом Сен-Жюст придал своему участию в военных действиях настолько крупное значение, что когда Комитет Общественного Спасения 6 прерияля (25 мая) постановил просить Сен-Жюста прибыть на несколько дней в Париж для участия в его работах, он не считал возможным сразу же оставить вверенную ему армию и приехал в Париж лишь 12-го прерияля.

Вызов Сен-Жюста в Париж произошел в момент, когда положение на фронте было чрезвычайно напряженным и всякий отъезд народного уполномоченного, хотя бы и кратковременный, мог грозить самыми неприятными последствиями; вот почему мы были бы вправе ожидать, что Сен-Жюст, приехав в Париж, должен был принять участие в обсуждении какого-либо чрезвычайно важного вопроса, который Комитет Общественного Спасения не хотел решать в его отсутствие. Но если перелистать все постановления, принятые Комитетом в период кратковременного пребывания Сен-Жюста в Париже—с 12 по 19 прерияля, то окажется, что среди них нет ни одного не только могущего объяснить экстренный вызов Сен-Жюста, но и вообще касающегося какого-либо мало-мальски важного предмета. Странность этого обстоятельства станет еще более очевидной, если обратить внимание на то, что немедленно после обратного отъезда Сен-Жюста на фронт—выехал он вечером 19 прерияля—случились два события чрезвычайно значительной важности: 20 прерияля происходила празд-

¹⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. 375.

²⁾ Там же, t. II, p. 389.

¹⁾ Vellay, op. cit., t. II, p. 404.

²⁾ Там же, t. II, p. 414—415.

³⁾ Там же, t. II, p. 406—407.

ник в честь Верховного Существа, а 22 прериаля был издан знаменитый закон, явившийся крайним проявлением террористической системы ¹⁾.

Уже это сопоставление, независимо от всяких иных доказательств, могло бы навести нас на предположение, что во время своего кратковременного пребывания в Париже, Сен-Жюст разошелся во взглядах с Робеспьером, с которым он до этого времени действовал вполне единодушно, и не желая раздувать конфликта, предпочел возвратиться на фронт. Но помимо этих теоретических соображений, имеется один документ, не только всецело подтверждающий нашу точку зрения на наличие некоторых расхождений между Робеспьером и Сен-Жюстом, но и объясняющий причину этих расхождений—это написанное уже после 9 термидора письмо Тюпалье, близкого друга Сен-Жюста, в котором он, упомянув о последнем, говорит: «я был свидетелем его возмущения при чтении закона 22 прериаля ²⁾. Гипотеза о том, что причиной появившихся в прериае расхождений между Сен-Жюстом и Робеспьером был именно вопрос о терроре, станет вполне вероятной, если предположить, что начавшееся в апреле наступление противника не могло вполне изменить точки зрения Сен-Жюста, выраженной им в речи 26 жерминаля, и что, сознавая невозможность немедленного осуществления провозглашенной им в этот день программы, он в то же время не считал нужным и того крайнего усиления террора, которое было осуществлено законом 22 прериаля ³⁾.

Сен-Жюст выехал из Парижа вечером 19 прериаля и, вернувшись на фронт, снова принял самое ближайшее участие в руководстве северной армией, наступление которой увенчалось на этот раз самым блестящим успехом. Происходившее в это время в Польше восстание отвлекло значительные австро-прусские силы от войны с Францией, и французам сравнительно легко удалось разбить австрийцев при Флерюсе (8 мессидора) и захватить Бельгию. Все это время Сен-Жюст неизменно находился на фронте и покинул его лишь после битвы при Флерюсе, вслед за которой он выехал в Париж. 11 мессидора Сен-Жюст вернулся к исполнению своих обязанностей в Комитете Общественного Спасения, заседания которого он посещал вплоть до самого 9 термидора.

¹⁾ Этот закон значительно расширял число караемых смертной казнью преступлений и до нельзя упрощал формальную процедуру действий Революционного Трибунала.

²⁾ Цитируем по Hamel, op. cit., t. II, p. 260.

³⁾ Верность Сен-Жюста его программе от 26 жерминаля и в более позднее время доказывается между прочим и тем, что в своей конвентской речи 9 термидора, которую ему не дали докончить, но текст которой был впоследствии напечатан и так. обр. до нас дошел, Сен-Жюст требовал ограничения исполнительной власти, т. е. того самого, о чем он говорил и 26 жерминаля.

Внутренняя контр-революция была раздавлена, крайние революционеры—эбертисты были побеждены, внешний враг отступал. Революция торжествовала. Никогда за все пять лет революции положение революционного правительства не было столь прочным и уверенным, как теперь, в мессидоре II года. Так должно было неизбежно казаться людям, лишь издали следившим за течением французской революции и судившим о ее силе лишь по ее внешним проявлениям, и так, в частности, казалось тем иностранным дипломатам, которые летом 1794 г. начали помышлять о заключении мира с победоносной французской республикой.

На самом деле было как раз наоборот—несмотря на свои внешние победы или вернее, именно благодаря им, никогда еще революция не была так слаба, как теперь в июне—июле 1794 г. Революция еще продолжалась, но революционеров уже не было. Все общественные классы, стремившиеся к революции и поддерживавшие ее в течение предыдущих лет, теперь, к середине 1794 г. либо отошли в сторону и пассивно наблюдали за происходящими событиями, либо старались активно противодействовать дальнейшему ходу революции. Революция держалась лишь по инерции, и малейший внешний толчок, ранее бывший бы совершенно незаметным, неизбежно должен был положить предел этому состоянию неустойчивого равновесия и повести к началу реакции. Это и произошло 9-го термидора.

Но был ли такой ход событий неизбежным? Не могло ли якобинское правительство, во время изменив основные линии своей политики, подвести новый фундамент под разваливавшееся здание революции, и если не совсем устранить неизбежность реакции, то по крайней мере сократить ее размеры и придать ей более мягкую форму?

Переворот 9 термидора был следствием постепенного отхода от революции всех ранее поддерживавших ее классов, но отход этот был далеко не одинаково неотвратимым по отношению к *разным* классам. Если безусловно неизбежным являлось отрицательное отношение к якобинскому правительству ничего не получивших от революции широких масс городской демократии, лишь мало выигравших от некогда столь желанного для них закона о максимуме в качестве потребителей предметов первой необходимости и значительно проигравших благодаря ему в качестве продавцов своей рабочей силы, то далеко не столь неизбежным был отход от буржуазной революции имущих классов—буржуазии и крестьянства. Очень сильно страдая от политики якобинцев, как экономической, так и общей, классы эти тем не менее оставались революционными постольку, поскольку боялись монархической реставрации, которая лишила бы их всех неисчислимых завоеваний, данных им революцией.

Перемена политики якобинцев, направленная к уничтожению всех неприятных для имущих классов атрибутов их власти, мешавших спокойному перевариванию проглоченной ими добычи (как, напр. отмена закона о максимуме, борьба со спекуляцией, принуди-

тельные займы; прекращение террора, хотя бы лишь в отношении преступлений не политического характера), могла бы помешать их отходу от революции. Программа, намеченная Сен-Жюстом в его речи 26 жерминаля, могла, если бы ее удалось осуществить, сделать ненужным переворот 9 термидора и тем может быть значительно изменить дальнейшее течение событий французской революции. Но возобновившееся наступление неприятеля мешало осуществлению программы Сен-Жюста (хотя мы и видели, что он лично оставался ей верен до самого конца), и буржуазия, покорно сносившая все тяготы до тех пор, пока считала их необходимыми для защиты своих завоеваний, поспешила свергнуть с себя ненавистное ей иго якобинцев сразу же после того, как победа при Флерюсе избавила Францию от угрозы неприятельского нашествия и связанной с ней возможности восстановления старого режима.

Таковы причины 9 термидора, а все остальное (раскол в составе обоих правительственных комитетов, образование в них направленной против робеспьеристов коалиции умеренных с крайними террористами, столкновение этой коалиции с Робеспьером) было лишь той мелкой и самой по себе малозначительной искрой, на долю которой, благодаря совершенно случайной комбинации обстоятельств, выпала судьба взорвать тот пороховой погреб, которым являлась в этот момент революционная Франция ¹⁾. Событие, в другой момент оставшееся бы быть может без всяких серьезных последствий, оказалось роковым для революционного правительства. 9 термидора произошло крушение якобинской диктатуры, а 10-го были казнены Робеспьер и его ближайшие соратники. Среди них был и Сен-Жюст.

ЧАСТЬ II. ИДЕОЛОГИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Естественное право и добродетель. Охрана добродетели. Террор. Политические взгляды.

Исходным пунктом философских воззрений Сен-Жюста является идея естественного состояния, некогда господствовавшего у всех народов, а ныне сохранившегося лишь у дикарей. Вот в каких выражениях описывает он воображаемую картину первобытной жизни:

«Утауас, сломавший на охоте свое оружие, входит в первую попавшуюся хижину и просит дать ему взамен новое, что сразу же исполняется; убивший двух бобров отдает одного из них не пойманному ни одного. Простота их природы делает дикарей добродетельными; они знают лишь одну доблесть — это война. Их удовольствия заключаются не в удовлетворении страстей, а в ощущении радости жизни; их танец есть выражение невинной радости и искусство — изображение предметов их привязанностей; если они иногда и бывают жестоки, то это уже результат зарождения цивилизации» ¹⁾.

И дав такую идеализированную картину быта дикарей, Сен-Жюст заключает ее следующими словами:

«Да простят мне эти рассуждения о дикарях — их счастливые страны близки моему сердцу, хотя и далеки от моих глаз!» ²⁾.

Уже из приведенных слов становится вполне очевидным, что Сен-Жюст, говоря о естественном состоянии, понимает его в смысле Руссо, а не Гоббса, т. е. видит в нем золотой век, а вовсе не эпоху войны всех против всех, и он действительно утверждает, что «появление общества не только не прекратило состояния войны, но, напротив того, породило его» ³⁾. А из такого понимания естественного права неизбежно вытекает враждебное отношение к цивилизации — «общественные нравы суть испорченные первобытные» ⁴⁾.

¹⁾ Именно поэтому мы и считаем возможным обойти полным молчанием и без того достаточно часто излагающуюся фактическую историю переворота 9-го термидора, отсылая совершенно незнакомых с предметом читателей хотя бы к книге Олара «Политическая история французской революции», стр. 337—340. О роли парижских масс в перевороте 9 термидора см. Я. М. Захер «Парижские секции 1790—1795 г.г., их политическая роль и организация», стр. 36—37.

¹⁾ «Esprit de la Révolution et de la Constitution de France» Vellay, op. cit., t. I, p. 316. Все дальнейшие ссылки имеют в виду это же издание.

²⁾ «Esprit de la Révolution», t. I, p. 316.

³⁾ «Fragments d'institutions républicaines», t. II, p. 496.

⁴⁾ «Esprit de la Révolution», t. I, p. 283.

Но сходясь таким образом с Руссо в идеализации естественного состояния и отрицательном отношении к цивилизации, Сен-Жюст с ним решительно расходится в указании способа исправления зла и не верит в возможность возвращения человечества к естественному состоянию.

«Благородные люди, предающиеся этой мечте, не сознают длины пути, уведшего нас от истины. Эта мечта если и осуществима, то уже во всяком случае лишь в самом отдаленном от нас будущем»¹⁾.

Но это, вовсе не значит, что человечество, уйдя от естественного состояния и не имея возможности к нему возвратиться, обречено на вечные страдания—нет, у людей есть в руках средство, легко могущее установить господство естественного права, это хорошие законы (*institutions*), или иначе говоря хорошая конституция, задача которых как раз и заключается «в осуществлении естественных прав и обязанностей людей»²⁾.

Каковы же должны быть хорошие законы? К этому вопросу Сен-Жюст возвращается часто и притом почти всегда в одних и тех же выражениях: «хорошие законы должны бороться с падением нравов»³⁾; «хорошая конституция должна искоренять предрассудки и укреплять нравы»⁴⁾; «законодательство есть гарантия... против порчи нравов»⁵⁾; «законодательство нужно для очищения нравов»⁶⁾.

Идея нравственности или добродетели (*vertu*) составляет основное ядро всей идеологии Сен-Жюста, и в учении о добродетели сходятся нити всех остальных его воззрений, но мы тщетно стали бы искать у Сен-Жюста точного определения этого понятия, которое он, повидимому, считал ясным самим по себе. Единственное, что он дает—это определение противоположного добродетели состояния, да и то лишь описательное; это такое положение вещей, когда «под свободой понимают господство страстей и эгоизма»⁷⁾; это «федерализм в гражданском быте, при котором каждый готов жертвовать своими ближними ради своих интересов и, считаясь лишь со своим собственным благополучием, не обращает внимания на счастье и независимость своего соседа»⁸⁾, это господство стремления к богатству над стремлением к славе⁹⁾, силы над правом¹⁰⁾, господство «не знающего границ индивидуального интереса»¹¹⁾.

Исходя из приведенных выше фраз, определяющих противоположное добродетели состояние, мы, повидимому, имеем право признать, что Сен-Жюст, говоря о последней, имеет прежде всего в виду совпадение индивидуальной воли отдельного лица с общей волей остальных людей, и мы действительно видим, что такое совпадение Сен-Жюст (являющийся таким образом сторонником теории гармонии интересов) считает не только возможным, но и, в виде общего правила, необходимым. «Каждый сражается за то, что ему дорого... Сражаться за всех—лишь вывод из этого»¹⁾.

Но что же такое в таком случае общая воля? Сен-Жюст дает ей следующее определение: «Общая воля в прямом смысле слова образуется, выражаясь на языке свободы, из большинства индивидуальных волей, собранных поодиночке независимо от каких-либо посторонних влияний; полученный, таким образом, закон будет неизбежно соответствовать общей выгоде, ибо раз каждый в отдельности соображает свою волю со своей выгодой, является вполне естественным, что большинство волей будет стремиться к выгоде большинства»²⁾.

Защищая такое утилитаристическое определение общей воли, совпадающей при этом с общей выгодой, Сен-Жюст вместе с тем решительно возражает против ее иного, «интеллектуального» понимания.

«Мне кажется, что комиссия (составлявшая проект конституции) рассматривала общую волю в интеллектуальном смысле, при котором эта последняя, понимаемая чисто умозрительно, вытекает скорее из требований разума, чем из интересов общественного целого... Такое понимание совершенно искажает смысл общей воли... Общая воля в ее правильном понимании есть положительная и совокупная воля народа; она стремится к защите не пассивных, а активных интересов большинства»³⁾.

Такое утилитаристическое понимание сущности общей воли в связи с отмеченным выше утверждением, что добродетель заключается в согласии индивидуальной воли с волей общей, должно было, казалось бы, привести Сен-Жюста и к утилитаристическому пониманию добродетели. Между тем мы неоднократно находим у него утверждение, что «всякая, даже суверенная, воля, направленная к злу—недействительна»⁴⁾, вследствие чего общая воля определяется совокупностью не всех, а только добродетельных волей («было бы неправильным такое понимание смысла закона, при котором сопротивление нескольких негодяев стали бы принимать за часть общей воли»⁵⁾), что, конечно, приводит к явному противоречию. В самом деле—с одной стороны добродетельно то, что соответствует общей

1) «Fragments», t. II, p. 498.

2) Проект конституции, t. I, p. 433.

3) «Esprit de la Révolution», t. I, p. 288.

4) Там же, t. I, p. 291.

5) «Fragments», t. II, p. 492.

6) Там же, t. II, p. 501.

7) Речь 8 вантоза, t. II, p. 230.

8) Речь 23 вантоза, t. II, p. 271.

9) «Fragments», t. II, p. 503.

10) Речь 23 вантоза, t. II, p. 276.

11) «Fragments», t. II, p. 509.

1) Там же, t. II, p. 504.

2) Речь 24 апреля 1793 года, t. I, p. 428.

3) Там же, t. I, p. 429.

4) «Esprit de la Révolution», t. I, p. 342—343.

5) Там же, t. I, p. 342.

воле, а с другой стороны общей волей является только то, что соответствует добродетели!

Причина этого странного противоречия станет нам вполне понятной, лишь если мы вспомним, что учение об общей воле не было создано самим Сен-Жюстом, а было им (подобно всем его единомышленникам) лишь заимствовано у Ж. Ж. Руссо, причем, заимствуя это понятие, Сен-Жюст лишил его имевшейся у Руссо моральной окраски, придававшей идее общей воли характер чего-то самодевуствующего и решительно отличающегося от «воли всех», и придал ему совершенно несвойственный Руссо утилитаристический характер. Видоизменяя таким образом учение Руссо, Сен-Жюст должен был, оставаясь последовательным, совершенно выбросить из понятия общей воли какой бы то ни было моральный элемент, тем более, что учение Руссо о совести, как самостоятельном моральном начале, было им усвоено лишь отчасти, но этого не случилось, и, придав учению об общей воле утилитаристический характер, Сен-Жюст вместе с тем не решился совершенно отбросить из него всякий оценочный элемент. Отсюда — отмеченное противоречие.

Однако, за исключением вышеприведенного случая Сен-Жюст остается неизменно верным своему утилитаристическому пониманию добродетели, что, впрочем, не мешает ему вслед за Руссо считать противоречащим добродетели все то, что заставляет индивидуальную волю отклоняться от воли общей, и, в частности, всякие групповые интересы, которые он клеймит названием «федерализма».

«Бывает федерализм правовой, который устанавливается формой государственного строя, но бывает и федерализм фактический, при котором, несмотря на единство государства, каждый город и каждая коммуна имеют свои специфические интересы»¹⁾. Осуждая такой порядок вещей, Сен-Жюст вполне естественно приходит и к осуждению партийности — «всякая партийность преступна, потому что она сеет раздоры между гражданами»²⁾; «вот почему наиболее горячее желание, которое может сделать своей родине честный гражданин, лучший дар, который Провидение может пожелать свободному народу, лучшее подаяние, которое может получить добродетельный народ — это распадение партий»³⁾.

Усвоенное Сен-Жюстом утилитаристическое понимание добродетели особенно ярко проявляется в том, что эта последняя является по его мнению панацеей от всех зол. Добродетель народа является гарантией прочности правительства и добродетель правительства — свободы народа⁴⁾, у добродетельного народа не бывает преступле-

ний¹⁾, добродетель основа кредита²⁾ и ее отсутствие — причина экономического упадка страны³⁾. При такой точке зрения не является, конечно, удивительным и непонятным на первый взгляд понимание Сен-Жюстом контр-революции, как стремления к подорванию добродетели.

«... Наиболее опасный заговор, могущий быть направленным против правительства, это развращение народного духа»⁴⁾: «разве те, которые хотят ее (республики) развращения, не хотят вместе с тем ее гибели»⁵⁾; «со свободой борются развращением»⁶⁾.

Раз контр-революция заключается в стремлении к развращению народа, то борьба с ней должна заключаться в поддержании добродетели.

«Для борьбы со злом есть только одно средство — это ... вести борьбу со всеми видами развращенности»⁷⁾; «убийство тирана является недостаточным, если не убить вместе с ним и развращенности, при помощи которой заграничная партия старается вернуть нас к монархии»⁸⁾; «заговоры приучают правительство следить за правдами»⁹⁾. Таково усвоенное Сен-Жюстом понимание добродетели, благодаря своей широте совершенно теряющее свой моральный характер и становящееся в сущности говоря понятием чисто политическим. Эта черта мировоззрения Сен-Жюста станет особенно заметной, если сравнить его понимание добродетели с концепцией таких чисто политических понятий, как свобода и республика.

Мы видели выше, что основным средством к утверждению господства естественного права Сен-Жюст считал охраняющие добродетель законы, но рядом с этим средством есть еще одно — это свобода, которая «содействует возвращению к природе»¹⁰⁾. Отсюда — вполне естественное сближение этих понятий и указание на их взаимообусловленность:

«Тот через двадцать я без сомнения с радостью увижу возвращающимся к добродетели тот самый народ, который теперь возвращается к свободе»¹¹⁾; «о свобода, святая свобода! Ты мало значила бы среди людей, если бы делала их только счастливыми, но ты, кроме того, возвращаешь их к природе и добродетели»¹²⁾; «свобода погибнет в тот день, когда ... исчезнет вера в добродетель»¹³⁾.

¹⁾ «Esprit de la Révolution», t. I, p. p. 318—320.

²⁾ Там же, t. I, p. 329.

³⁾ «Fragments», t. II, p. p. 511—512.

⁴⁾ Речь 23 вентоза, t. II, p. 256.

⁵⁾ Речь 8 вентоза, t. II, p. 229.

⁶⁾ Речь 23 вентоза, t. II, p. 262.

⁷⁾ Там же, t. II, p. 258.

⁸⁾ Там же, t. II, p. 271.

⁹⁾ Речь 11 жерминаля, t. II, p. 307.

¹⁰⁾ Там же, t. II, p. 331.

¹¹⁾ «Esprit de la Révolution», t. I, p. 291.

¹²⁾ Там же, t. I, p. 327.

¹³⁾ «Fragments», t. II, p. 510.

¹⁾ «Fragments», t. II, p. 504.

²⁾ Речь 23 вентоза, t. II, p. 273.

³⁾ Речь 9 термидора, t. II, p. 484.

⁴⁾ С этой последней точки зрения особенно интересным является предлагаемый Сен-Жюстом в его литературных отрывках институт цензоров, следящих за добродетелью должностных лиц. «Fragments», t. II, p. p. 530—532.

Естественным выводом из сближения понятий добродетели и свободы является мысль, что при отсутствии свободы страдает и добродетель, и Сен-Жюст действительно говорит:

«Короли преследовали добродетель»¹⁾; «Людовик оскорблял добродетель»²⁾; «уберите из мира тиранию, и вы восстановите мир и добродетель»³⁾.

Но если в своем произведении «Дух французской революции и конституции», написанном еще тогда, когда он был монархистом и идеализировал конституцию 1791 г., Сен-Жюст сближал идею добродетели лишь с идеей свободы, то позднее, начиная с 1792 г., он сближает ее и с идеей республики («Монархия есть господство не короля, а преступления, республика—господство не сената, а добродетели»⁴⁾; «Республика заключается в простоте нравов народа»⁵⁾, вследствие чего является вполне естественным, что «истинный революционер должен быть образцом добродетели и здравого смысла»⁶⁾.

Необыкновенно расширенное понимание Сен-Жюстом сущности идеи добродетели в связи с утверждением, что добродетель содействует господству естественного права, вполне естественно должно было привести к признанию защиты добродетели основной функцией государства, и мы действительно видим, что Сен-Жюст утверждает, что «государство, где отсутствуют такие (охраняющие добродетель) законы, есть государство мнимое»⁷⁾. Но какими же средствами располагает государство для осуществления этой задачи?

Если воззрения Сен-Жюста на сущность добродетели оставались всю жизнь неизменными, то иначе было с его взглядами на способы поддержания этой последней—под влиянием обстоятельств момента они подвергались довольно существенным изменениям, вследствие чего изучение этих взглядов Сен-Жюста может вестись лишь при помощи хронологического метода. Попробуем же проследить генезис взглядов Сен-Жюста на способы поддержания добродетели.

В первом произведении Сен-Жюста—«Духе французской революции и конституции» указывается два пути, при помощи которых государство может охранять народную добродетель—это воспитание и законодательство, причем о воспитании Сен-Жюст в этот период своей жизни говорит лишь мимоходом⁸⁾ и обращает главное внимание на законодательство.

«Хорошая конституция разрушает предрассудки и оздоравливает нравы»¹⁾; «нравы и быт свободных народов зависят от законодательства»²⁾; «тщетно исправлять нравы, не исправляя законов»³⁾; «налоговая система . . . может оказывать значительное влияние на нравы»⁴⁾.

Каковы же должны быть законы для того, чтобы они могли оказывать благоприятное влияние на добродетель? Сен-Жюст дает в этом отношении несколько вполне определенных указаний—прежде всего законы должны предполагать человека добрым, и «горе правительству, которое не верит в людей!»⁵⁾.

На ряду с этим замечанием, обнаруживающим в Сен-Жюсте определенного оптимиста, что, конечно, вполне соответствует усвоенной им концепции Руссо о прирожденных человеку благородных инстинктах, Сен-Жюст дает и другое указание, также вытекающее из его оптимизма—законы не должны основываться на насилии; «увеличение числа преступлений указывает на то, что нужны новые законы, насилие лишь укрепляет зло»⁶⁾.

Выводом из этих общих принципов являются некоторые частности, заслуживающие быть отмеченными среди взглядов, высказанных Сен-Жюстом в его первом произведении—это, во-первых, признание ~~или~~ ненаказуемости убеждений⁷⁾ и, во-вторых, решительное отрицание смертной казни.

«Несмотря на все мое глубочайшее уважение к авторитету Ж. Ж. Руссо, я никогда не прошу тебе, великий человек, оправдания тобой смертной казни»⁸⁾, говорит по этому поводу Сен-Жюст, а в другом месте он замечает:

«Смертный приговор есть узаконенное отцеубийство, ибо что можно сказать про правительство, которое не стыдится веревки и потеряло всякое стеснение перед эшафотом?»⁹⁾. «Законы, осуществляемые при помощи палача, гибнут в крови и бесславии»¹⁰⁾.

Таковы взгляды по вопросу о способах охраны добродетели, высказанные Сен-Жюстом в его «Духе французской революции и конституции», и взгляды эти в общих чертах сохранились у него и в более позднее время. Что касается, напр., воспитания, то среди оставшихся после смерти Сен-Жюста разрозненных бумаг имеется записка с одной только фразой: «заставить исполнять законы о воспитании—вот в чем весь секрет»¹¹⁾, а в найденных после 9термидора отрывках сочинения,

¹⁾ Там же, т. I, p. 291.

²⁾ Там же, т. I, p. 295.

³⁾ Там же, т. I, p. 317.

⁴⁾ Там же, т. I, p. 330.

⁵⁾ Там же, т. I, p. 314.

⁶⁾ Там же, т. I, p. p. 315—316.

⁷⁾ Там же, т. I, p. 317.

⁸⁾ Там же, т. I, p. 315.

⁹⁾ Там же, т. I, p. 318.

¹⁰⁾ Там же, т. I, p. 319.

¹¹⁾ «Fragments», т. II, p. 536.

¹⁾ Речь 27 декабря 1792 г., т. I, p. 386.

²⁾ Там же, т. I, p. 392.

³⁾ Речь 24 апреля 1793 г., т. I, p. 424.

⁴⁾ Речь 8 вантоза, т. II, p. 234.

⁵⁾ Речь 23 вантоза, т. II, p. 267.

⁶⁾ Речь 26 жерминаля, т. II, p. 372.

⁷⁾ Речь 8 вантоза, т. II, p. 230.

⁸⁾ «Esprit de la Révolution», т. I, p. 287.

присущих организации идеальной республики, имеется целая глава, посвященная воспитанию ¹⁾. Сохранились равным образом и взгляды Сен-Жюста как о возможности охранять добродетель при помощи законов, так и о необходимых для этого чертах законодательства—вере в добрую природу человека ²⁾ и действии убеждением, а не силой ³⁾. Но если таким образом все основные положения, содержащиеся в первом произведении Сен-Жюста по вопросу о способах защиты добродетели, сохранились у него и позднее, то развитие событий французской революции привело Сен-Жюста к ранее неизвестному ему положению, что бывают моменты, когда обычные способы защиты добродетели оказываются непригодными и что в эти моменты добродетель должна защищаться не только мирными средствами, но также и силой. Отсюда произошло учение Сен-Жюста о терроре, к рассмотрению коего мы теперь и переходим.

«Дух французской революции и конституции» был написан в 1791 г., т. е. в пору всеобщего упоения торжеством революционных идей, в пору вместе с тем приостановки поступательного движения революции, в момент относительного покоя, когда казалось, что во Франции наступило успокоение и что все бурные переживания первого года революции остались далеко позади. Вполне понятно, что в такую минуту вся жизнь рисовалась Сен-Жюсту в розовом свете, и казалось, что «куда ни обратишь взгляд, все полно прелести» ⁴⁾. Когда же наступил 1792 г. с его бурными перипетиями и переживаниями и выяснилось, что порядок, казавшийся еще за год до того необычайно прочным и долговечным, рассыпался в прах под бурным дуновением революционного шквала, жизнь неизбежно должна была показаться гораздо более сложной, чем раньше, и должны были появиться многие новые мысли, до той поры никому не приходившие в голову.

Было бы, впрочем, неправильно думать, что учение Сен-Жюста о терроре явилось каким-то инородным телом, вступавшим в реши-

тельное противоречие с его старыми взглядами. Если основной чертой «Духа французской революции и конституции» была вера в осуществимость терпеливой добродетели при помощи мирных средств—воспитания и законодательства, то там, на ряду с этими мыслями, имеются и некоторые другие, послужившие тем зерном, из которого позднее развилось учение Сен-Жюста о терроре. Мы имеем в виду то положение «Духа революции», которое гласит, что мягкие законы, как они ни желательны, возможны далеко не всегда и не при всех условиях и что возможность их применения зависит в частности от размеров страны.

«Чем меньше размеры государства, тем чаще ему угрожает опасность, а потому тем строже должны быть законы... Чем государство больше, тем реже угрожает ему опасность, а потому тем мягче должны быть законы...» ⁵⁾.

Признавая таким образом возможность нарушения принципа мягкости законов ради защиты прочности государства, Сен-Жюст вместе с тем вполне последовательно заявляет:

«Я не протестую против закона об осадном положении, который является решительным средством... но этот закон должен, подобно глазу Януса, быть закрытым во время покоя и открытым во время опасности» ⁶⁾.

Время написания «Духа революции» было, как мы знаем, временем покоя, правда лишь кажущегося, а поэтому является вполне понятным, что положение Сен-Жюста о возможности защиты добродетели при помощи одних только мягких мер лишь при наличности некоторых условий, главнейшим из коих является безопасное положение государства, осталось мимоходом брошенным замечанием; наступившее в 1792 г. изменение внешних условий должно было превратить это мимолетное замечание в один из самых главных устоев идеологии Сен-Жюста—учение о том, что «спасение отечества является высшим законом... при котором можно пожертвовать свободой» ⁷⁾ некоторых ради спасения всех» ⁸⁾.

Если раньше Сен-Жюст считал, что добродетель (которую он, как мы знаем, отождествляет со свободой и республикой) можно охра-

¹⁾ Там же, т. II, р. р. 516—519. Основные положения этой главы таковы:

Мальчики воспитываются матерью до пятилетнего возраста, после чего передаются в распоряжение государства и поступают в школы-интернаты, в которых остаются до 10-летнего возраста и приучаются к умеренности, добродетели и мужеству. От 10 до 16 лет мальчики обучаются земледелию и военному делу, а между 16 и 21 годами избирают себе профессию. Девочки воспитываются матерью до совершеннолетия.

²⁾ «Разве вы не знаете, что человек не родился злым?» «Fragments», т. II, р. 507.

³⁾ Чрезвычайно любопытным выражением этого взгляда является содержащееся в представленном Сен-Жюстом Конвенту проекте конституции предложение избрать в каждой коммуне Республики по шесть старцев, которые должны служить как бы живым воплощением увещательного характера законодательства и действовать на добрые инстинкты людей. т. I, р. 450.

⁴⁾ «Esprit de la Révolution», т. I, р. 344.

⁵⁾ Там же, т. I, р. 265.

⁶⁾ Там же, т. I, р. 317.

⁷⁾ Хотя Сен-Жюст говорит лишь о свободе, по совершенно несомненно, что он применяет это положение и к жизни—ибо чем иным, как не приятием прежде оспариваемого им взгляда Руссо на право государства лишать жизни его граждан можно объяснить полное изменение его взгляда на смертную казнь?

⁸⁾ Речь 8 июля 1793 г. Таким образом содержащееся у Руссо знаменитое противоречие между идеями свободы и народного суверенитета повторяется и у Сен-Жюста, но в виде противоречия во времени: в 1791 г. он обращает главное внимание на защиту прав личности, а в 1792 и последующих годах—прав государства. Впрочем, уже в 1791 г. Сен-Жюст определял свободу лишь как «зависимость от справедливых законов». «Esprit de la Révolution», т. I, р. 267.

нять при помощи одних лишь мягких законов, то теперь он во имя спасения добродетели—свободы—республики решительно протестует против всякой мягкости и осуждает свои собственные прежние взгляды:

«В начале революции раздавались голоса, призывавшие к мягкости в отношении к ее врагам; эта мягкость, приведшая к прощению нескольких виновных, стоила тем самым жизни двухсот тысяч человек, погибших в Вандее; эта мягкость привела нас к необходимости разрушения городов, она подвергла родину опасности полной гибели ее, и если мы и теперь допустим подобную слабость, то каждый день таковой обойдется в тридцать лет гражданской войны»¹⁾.

Мягкость применима лишь в эпохи спокойствия.

«Если бы заговоры не нарушали спокойствия государства, если бы родина уже тысячи раз не страдала от мягких законов, как хорошо было бы управлять посредством принципов мира и естественной справедливости! Но эти принципы хороши лишь в руках у свободы, а между народом и его врагами может быть лишь один общий язык—это язык меча. Тех, на кого нельзя воздействовать правдой, следует принуждать железом, тиранов надо подавлять!»²⁾.

Необходимость террора мотивируется Сен-Жюстом между прочим и ссылкой на пример монархических правительств, допускающих его в отношении революционеров—«по сравнению со всеми другими правительствами мы являемся умеренными»³⁾, «неужели же мы не имеем права обращаться со сторонниками тирании так, как в других странах обращаются с защитниками свободы?»⁴⁾

Но было бы неправильным думать, что правомерность террора мотивируется Сен-Жюстом исключительно его необходимостью—нет, он стремится обосновать его не только на факте, но и на праве. Мы видели выше, что еще в 1791 г. Сен-Жюст (следуя в этом отношении, хотя и в противоречие своим собственным взглядам, за Руссо), считал волю злых недействительной и теперь он не только повторяет это положение («разве голоса испорченных и преступных могут идти в счет при принятии решений?»⁵⁾), но и выводит из него право на террор:

«Преследования связаны с прогрессом разума и справедливости. Обратите внимание на этапы их развития: мы переходим в отношении преступного меньшинства от презрения к подозрению, от подозрения—к наказаниям в виде примера; от этих последних—к террору»⁶⁾.

¹⁾ Речь 8 вантоза, т. II, р. 236.

²⁾ Речь 19 вандемьера, т. II, р. 76.

³⁾ Речь 8 вантоза, т. II, р. 231.

⁴⁾ Там же, т. II, р. 232.

⁵⁾ Там же, т. II, р. р. 232—33.

⁶⁾ Там же, т. II, р. 229.

Законность террора заключается в том, что он «применяется лишь в отношении к злым»¹⁾, понятие которых Сен-Жюст, впрочем, толкует чрезвычайно широко:

«Вы должны наказывать не только изменников, но даже и равнодушных, вы должны наказывать всех пассивных, ничего не сделавших для защиты республики, ибо с того момента, как французский народ высказал свою волю, все противоречащее ей находится вне суверенитета и суть следовательно враги народа»²⁾.

При таком широком толковании понятия злых может легко оказаться, что злых в стране окажется гораздо больше, чем добрых, а мы ведь только что видели, что Сен-Жюст говорил о применении террора лишь в отношении преступного меньшинства, на чем он постоянно настаивает.

«Всякое государство вынуждено поддерживать права граждан посредством насилия, разница между свободным и тираническим режимом заключается лишь в том, что в первом насилие употребляется против противоречащего общей воле меньшинства и преступных или развратных чиновников, а, во-вторых, сила государственной власти направляется против несчастных, отданных во власть остающегося наказанного правительства»³⁾.

Но как же быть в случае, если злых окажется не меньшинство, а большинство? Может ли добродетельное меньшинство применять террор против преступного большинства? Случай этот остался у Сен-Жюста непредусмотренным и ясно почему—определяя добродетель, он согласие индивидуальной воли с общей и понимая эту последнюю как волю арифметического большинства отдельных волей, Сен-Жюст естественно должен был прийти к выводу, что большинство всегда находится на стороне добродетели. Правда, с этим вряд ли возможно согласовать постоянное указание Сен-Жюста на стремление контр-революционеров развратить народ (т.-е. другими словами заменить добродетельное большинство преступным), но это противоречие является лишь следствием отмеченного нами выше коренного противоречия Сен-Жюста в понимании взаимоотношения идей добродетели и общей воли.

Если развитие событий французской революции привело Сен-Жюста к признанию того, что добродетель должна защищаться не только воспитанием и законодательством, но также и террором, то Сен-Жюст, с другой стороны, видел в терроре лишь неизбежное зло и никогда не считал его единственным и достаточным самим по себе средством охраны добродетели.

«Сила не обосновывает ни разума, ни права, но она может оказываться необходимой для того, чтобы заставить уважать право и

¹⁾ Речь 25 вандемьера, т. II, р. 95.

²⁾ Речь 19 вандемьера, т. II, р. 76.

³⁾ Речь 26 жерминаля, т. II, р. 375.

разум»¹⁾. «Террор может освободить нас от монархии и аристократии, но что освободит нас от развращенности? Только законодательство»²⁾.

Старые взгляды Сен-Жюста, высказанные им в «Духе революции», остались таким образом и в более позднее время без всякого изменения, и созданное им впоследствии учение о терроре являлось не их отрицанием, а дополнением.

Анализируя учение Сен-Жюста о добродетели и способах ее защиты, мы, в сущности говоря, все время находились в кругу не философских, а чисто политических вопросов, что является естественным результатом усвоенного Сен-Жюстом утилитаристического понимания добродетели. Вот почему для полного изображения политических взглядов Сен-Жюста остается лишь сказать несколько слов об его отношении к политическим вопросам в узком смысле этого слова, т. е. иначе говоря к вопросу о формах государственного строя.

Целиком заимствовав учение Жан-Жака Руссо об общественном договоре и народном суверенитете³⁾ с вытекающим отсюда выводом о том, что все без исключения должностные лица являются лишь уполномоченными народа⁴⁾, Сен-Жюст в разные периоды своей жизни делал из этих общих принципов самые различные выводы о лучшей форме политического строя. Если в 1791 г. Сен-Жюст подобно всем своим современникам являлся еще сторонником монархии, хотя и видел в ней далеко не идеал, а лишь неизбежное зло («Франция взяла из идеи монархии все то, чего нельзя было не взять»⁵⁾), то уже сразу после 10 августа 1792 г. (он опять-таки подобно громадному большинству своих современников) становится ее решительным противником и рассматривает монархию (а следовательно и конституцию 1791 г.⁶⁾), как противоречащую природе, а потому безусловно недопустимую форму государственного строя⁷⁾.

«Договор (устанавливавший монархию) обижал только граждан, но не короля; такой договор является безусловно ничтожным, т. е. не может быть правомерным то, что не основывается на природе и прав-

ственности»¹⁾. Вот почему монархия, по мнению Сен-Жюста, является вечным преступлением, дающим каждому человеку право вооружиться и встать против нее»²⁾.

Эволюция, происшедшая в политических взглядах Сен-Жюста в 1791—92 г. г., не была последней; последовавшая за провозглашением республики гражданская война явилась причиной новых изменений в его взглядах, стоящих в непосредственной связи с его теорией террора, и если еще весной 1793 г. Сен-Жюст полагал, что «свобода народа заключается в прочности и долговечности его конституции»³⁾, и был следовательно сторонником демократии, то уже к осени 1793 г. он пришел к выводу о том, что бывают моменты, когда сила нужнее права, вследствие чего сделался сторонником революционной диктатуры.

«В обстоятельствах, в которых ныне находится республика, конституция является неприменимой—она бы погубила самое себя и сделалась бы гарантией безнаказанности посягательств против свободы, ибо у нас не хватило бы силы, необходимой для борьбы с этими посягательствами»⁴⁾. «Революционные законы будут исполняться только тогда, когда и правительство будет организовано по революционному»⁵⁾.

Но и эта эволюция не явилась последней, и по мере того, как революция побеждала своих врагов и постепенно уменьшалось число вооружающих республику опасностей, Сен-Жюст возвращался к своей прежней точке зрения о том, что право выше силы, и восклицал:

«Займитесь гражданским законодательством, о котором до сих пор никто не думал; без гражданских законов не может быть прочной свободы, ибо только они поддерживают любовь к родине»⁶⁾ и исчезнувший по окончании революции революционный дух. Только этим путем вы докажете достоинства нашей демократии, проявите широту ваших взглядов и ускорите погибель наших врагов, выяснив их ничтожество по сравнению с нами»⁷⁾.

¹⁾ «Fragments», t. II, p. 506.

²⁾ Там же, t. II, p. 501.

³⁾ Соответственно чему он определяет равенство, как «пользование каждым индивидуумом одинаковой частью суверенитета». «Esprit de la Révolution», t. I, p. 267.

⁴⁾ «Fragments», t. II, p. 506. Выводом из этого положения является упомянутое нами выше предложение Сен-Жюста о введении института цензоров, следящих за действиями чиновников, и проектируемое им предоставление народу права обжалования действий чиновников. «Fragments», t. II, p. p. 530—532.

⁵⁾ «Esprit de la Révolution», t. I, p. 246.

⁶⁾ Речь 15 мая 1793 г., t. I, p. 458.

⁷⁾ Речь 13 ноября 1792 г., t. I, p. p. 367—369.

¹⁾ Там же, t. I, p. 368.

²⁾ Там же, t. I, p. 369.

³⁾ Речь 24 апреля 1793 г., t. I, p. 418.

⁴⁾ Речь 19 вандемира, t. II, p. 83.

⁵⁾ Там же, t. II, p. 83.

⁶⁾ Интересно отметить, что патриотизм, по мнению Сен-Жюста, существует только там, где есть свобода («Esprit de la Révolution», t. I, p. 332) и где народ счастлив (речь 29 ноября 1792 г. t. I, p. 374).

⁷⁾ Речь 26 жерминаля, t. II, p. 385. По поводу последней фразы будет не безинтересным отметить, что Сен-Жюст подобно всем философам XVIII века считал, что мпром правят идеи. «Мораль сильнее тиранов..., происходящие в человеческих умах революции побеждают тех, кто с ними борются» (речь 24 апреля 1793 г. t. I, p. 430). «Нельзя остановить революцию, происходящую в человеческих умах, она победит тиранию» (речь 8 вантаза, t. II, p. 232).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Внешняя политика.

«Европа идет гигантскими шагами к революции, и все старания деспотизма не в силах ее остановить»¹⁾. Так начинается книга Сен-Жюста о «Духе французской революции и конституции» — первый, по времени, источник, выявляющий основные черты его идеологии и в частности характеризующий его отношение к вопросам внешней политики, и вполне понятно, что, исходя из веры в неминуемую близость мировой революции, Сен-Жюст одобряет общий характер миролюбивой внешней политики Учредительного Собрания, выраженный в майских прениях 1790 г., завершившихся знаменитым декретом 22 мая²⁾:

«Французское международное право, отказавшееся от завоевательного духа, значительно содействовало очищению любви к отечеству. Народ, стремящийся к завоеваниям, любит лишь свою славу и неизбежно должен презирать законы. За оружие следует браться лишь для защиты своей свободы; народ, покушающийся на свободу своих соседей, недостаточно дорожит своей собственной»³⁾.

Этот общий характер взглядов Сен-Жюста на международные отношения приводит его, как и Учредительное Собрание⁴⁾, к отрицательному отношению к институту послов:

«Существование постоянных послов является недостатком европейской конституции, оно противоречит свободе народов; существование силы, легко могущей создавать заговоры, вызывает состояние недоверия, подрывающее значение международного права.... Народ, не допускающий никаких войн, кроме оборонительных, не нуждается в послах....»⁵⁾.

Переходя от этих общих рассуждений к конкретным вопросам международной политики, Сен-Жюст выступает в «Духе революции» решительным противником семейного договора с Испанией, который он рассматривает, как средство угнетения Европы:

«Г. де Верженн⁶⁾, который воображал, что он любит Францию на том основании, что был другом Бурбонов, объединил эту семью если не против свободы, то против процветания нескольких европейских народов.... Мотивом союза Бурбонов являлись не дружба и не желание избежать пролития крови, но тайная зависть»⁷⁾, а также «стремление объединить свои слабые силы против истощающей их силы Англии»⁸⁾.

¹⁾ Vellay, op. cit. *Esprit de la Révolution*, t. I, p. 250.

²⁾ Albert Sorel. «L'Europe et la Révolution Française», t. II, p. p. 84—91.

³⁾ Vellay, op. cit. *Esprit de la Révolution*, t. I, p. 333.

⁴⁾ Sorel, op. cit., t. II, p. 87.

⁵⁾ Vellay, op. cit. *Esprit de la Révolution* t. I, p. p. 334—335.

⁶⁾ Министр иностранных дел.

⁷⁾ Vellay, op. cit. *Esprit de la Révolution*, t. I, p. 335.

⁸⁾ Там же, t. I, p. 336.

Впрочем, такой характер, по мнению Сен-Жюста, носит не только семейный договор, но и все вообще европейские международные отношения, при которых «международное право существует лишь во взаимоотношениях королей, и «золото и кровь народов» служат лишь для удовлетворения личных целей правящих династий»¹⁾.

Однако, Сен-Жюст не требует полной отмены семейного договора. Союз свободного народа с деспотическим государством является, по его мнению, столь противоестественным и опасным для этого последнего, что Сен-Жюст считает, что семейный договор потерял всякое реальное значение, и предполагает, что Испания «скорее погибнет, чем решится позвать Францию на свою помощь»²⁾. Поэтому Сен-Жюст вполне одобряет тактику Учредительного Собрания, высказавшегося за сохранение союза с Испанией и лишь потребовавшего замесы семейного договора национальным³⁾, хотя и признает, что это противоречило характеру его международно-правовых принципов⁴⁾.

Таковы воззрения Сен-Жюста в этот период его жизни на международные отношения, и если они, как мы видим, вполне совпадают с воззрениями большинства остальных революционных деятелей и в частности Робеспьера (с которым Сен-Жюст, являвшийся сторонником всех постановлений конституции 1791 г., расходился в это время, как мы знаем, по вопросу о всеобщем избирательном праве), то и их дальнейшая эволюция происходила в полном контакте с изменением взглядов остальных якобинцев.

Если в 1791 г. Сен-Жюст верил в близкое и неминуемое наступление мировой революции, то события 1792 г. должны были разрушить эту веру и натолкнуть на мысль, что если мировая революция не происходит сама собой, то революционная Франция должна взять на себя содействие таковой. И действительно, зимой 1792—93 г.г. Сен-Жюст становится, подобно всем прочим монпаньярам, сторонником идеи революционной войны и в своей конвентской речи 12 февраля 1793 г. о реорганизации армии, затрагивающей, хотя и мимоходом, вопросы внешней политики, Сен-Жюст восклицает:

«Мы призваны изменить природу европейских государств, мы не должны отдыхать до тех пор, пока Европа не будет свободной; ее свобода будет гарантировать прочность нашей. На земле существуют три вещи, с которыми не может примириться революционная добродетель: первая из них — существование королей; вторая — послушание королям и третья — заключение мира в то время, когда где-нибудь еще существуют господа и рабы»⁵⁾.

Задача революционной войны заключается, по мнению Сен-Жюста, в том, чтобы всеми силами поддерживать мировую революцию; вот

¹⁾ Там же, t. I, p. 335.

²⁾ Там же, t. I, p. 336.

³⁾ Sorel, op. cit., t. II, p. 94.

⁴⁾ Vellay, op. cit. *Esprit de la Révolution*, t. I, p. 336.

⁵⁾ Там же, речь 12 февраля 1793 г., t. I, p. 414.

почему, говоря 15 мая 1793 г. о необходимости скорейшей выработки конституции, он руководствуется при этом соображениями не только внутренне-французскими, но также и заботой о поддержании мировой революции¹⁾, а в выработанном и представленном им 24 апреля 1793 г. Конвенту проекте конституции имелись следующие статьи, стоящие в самой тесной связи с идеей революционной войны:

Часть II, гл. IX, ст. 4. «Республика оказывает защиту всем изгнанным из отечества за святое дело свободы».

Там же, ст. 6. «Французская республика никогда не возьмется за оружие для подчинения и угнетения какого-либо народа».

Там же, ст. 9. «Французский народ провозглашает свободу всего мира»²⁾.

Но особенно ярко выражена идея революционной войны в докладе Сен-Жюста Конвенту от имени Комитета Общественного Спасения 25 вандемьера II года (16 октября 1793 г.) по вопросу о распространении на другие страны принятых против англичан специальных мероприятий (заключение под стражу находящихся во Франции английских подданных и запрещение торговых сношений с англичанами), в котором он заявлял:

«Принятый нами закон не только не направлен против английского народа, но напротив того, облегчает ему возможность разорвать его цепи, если он только достоин свободы. Не Англия, а лондонский двор является для нас Карфагеном. В Европе есть две партии: партия народов, детей природы, и партия королей, детей преступления. Пусть Англия проснется, и она найдет в нашем лице союзников, которые помогут ей освободиться от ига королей»³⁾..... «Но предположите даже, что наш закон возмутит лондонское купечество—значит ли это, что будет возмущен и народ? Английские коммерсанты так же не составляют английской нации, как не составляют нации и коммерсанты французские. Все законы, которые мы примем против английской торговли, должны вызвать благодарность английского народа, угнетаемого дворянством и купечеством и страдающего от нужды»⁴⁾.

Но было бы глубоко неправильным думать, что, проповедуя в этот период своей жизни войну во имя мировой революции, Сен-Жюст забывает о национальных интересах французского народа. Уже в своей речи 29 ноября 1792 г., посвященной анализу экономического положения Франции, Сен-Жюст требовал участия освобождаемых народов в несении материальных тягот войны⁵⁾, а в только что упомянутом докладе 25 вандемьера Сен-Жюст говорит: «Можно желать добра всем народам мира, но делать добро можно лишь своему народу. Комитет Общественного Спасения, исходя из этого принципа,

из всех народов мира обращает внимание лишь на французский народ. Слишком долго филантропия служила маской для враждебных нам посягательств, и это та самая филантропия, которая похоронила в Бельгии сто тысяч французов и тысячу двести миллионов денег»¹⁾.

Вот почему, высказываясь за известные нам мероприятия против англичан, Сен-Жюст делает это не только ради помощи мировой революции (что мы видели выше), но прежде всего и главным образом ради улучшения экономического положения Франции, ибо ввоз во Францию английских фабрикатов содействует падению курса французских ассигнаций и вредит французской промышленности. Поэтому вполне понятно, что, высказываясь за запрещение ввоза во Францию английских товаров, Сен-Жюст не видит причин к запрещению ввоза из других государств поставляемого ими Франции сырья, необходимого для французской промышленности, и требует «различного отношения к врагам в зависимости от различного характера сношений и различия интересов»²⁾.

Таким образом можно утверждать, что если уже осенью 1792 г. идея войны ради мировой революции вовсе не приводила Сен-Жюста к забвению национальных интересов Франции, то год спустя, осенью 1793 г., мировая революция представляется ему прежде всего средством для достижения французских национальных интересов. А еще через полгода, в конце марта 1794 г., Сен-Жюст уже совершенно забывает об интересах мировой революции и руководствуется исключительно национальными соображениями, что становится вполне ясным при рассмотрении его речи начала жерминаля о взаимоотношениях с нейтральными государствами—речи, о которой нам уже приходилось упомянуть.

Войну Франции с Европой Сен-Жюст и в жерминале II года рассматривает, как борьбу свободы с тиранией.

«Время, события, принципы, последовательно возникавшие под влиянием этих событий, и изменения этих принципов, бывшие результатом нападений наших противников; наши победы и наши поражения, угрожающие нам опасности и опасности, вызванные условиями нашей обороны—все эти обстоятельства превратили войну, которую ведет республика, в войну неизбежную, войну всемирную, космополитическую. Весь мир заинтересован в нашей победе или поражении; мы сделали наше дело всеобщим, и все взгляды обращены на нас. Только будущее решит, чем кончится эта борьба свободы с тиранией—освобождением мира от ига рабства или полным подчинением его цепям»³⁾.

При таком положении вещей вполне естественно, что все страны объединились против Франции, ибо Франция единственная в мире свободная страна.

¹⁾ Там же, речь 15 мая 1793 г., т. I, р. 458.

²⁾ Там же, т. I, р. 454.

³⁾ Там же, речь 25 вандемьера, т. II, р. 98.

⁴⁾ Там же, т. II, р. р. 99—100.

⁵⁾ Там же, речь 29 ноября 1792 г., т. I, р. 384.

¹⁾ Там же, речь 25 вандемьера, т. II, р. 97.

²⁾ Там же, речь 25 вандемьера, т. II, р. 99.

³⁾ Там же, речь о нейтральных государствах, т. II, р. р. 335—336.

«Неужели вы думаете, что существует хотя бы одно государство, в котором могут любить наши принципы те, кого осуществление этих последних лишит узурпированной ими власти? Совершенно ясно, что если французская свобода дорога сердцам очень многих людей, то она не имеет и никогда не будет иметь сторонников ни в министерских кабинетах, ни в сенатах современных республик»¹⁾).

Результатом такого отношения и явилась направленная против Франции европейская коалиция, но коалиция эта не могла привести к гибели французской свободы.

«... Великие державы Европы, объединенные опасностью, вступили в союз против нас; но, соединив свой страх и свои армии, они не могли отрешиться от ненависти и зависти друг к другу. Вот почему, ненавидя друг друга еще сильнее, чем нас, наши самые сильные противники были побеждены нашей храбростью, нашим единством и бескорыстием, а главное своими интригами, соперничеством, завистью и в особенности своей постоянной привычкой считать своим успехом наши победы, ослабляющие их старых соперников»²⁾).

Отдавая себе столь ясный отчет в истинном характере направленной против Франции коалиции, Сен-Жюст не менее ясно сознает, что если некоторые небольшие державы не присоединились к этой коалиции, то причина их нейтралитета заключается вовсе не в их любви к Франции, а в страхе. «Что им оставалось предпринять? Слишком слабые, чтобы оказывать нам сопротивление, слишком предусмотрительные, чтобы решиться на таковое, достаточно сознательные, чтобы понимать, что в случае победы французской свободы, все управляющие Европой законы будут схоронены в одной яме с королями и королевствами, не зная, каким окажется результат этой неслыханной в мировой истории борьбы—что предписывал им их интерес? Осторожный нейтралитет, который сохранил бы им благосклонность тиранов на случай торжества тиранни и обеспечил бы более мягкое и постепенное падение в случае победы Французской республики»³⁾).

При таком характере нейтралитета не входящих в состав коалиции государств, основная линия, которой должно было придерживаться поведение Франции, ясна, по мнению Сен-Жюста, сама собой.

«Что должны были делать наши министры в случае, если Французская республика находила выгодным для себя этот нейтралитет? Только одно: сидеть спокойно, ничего не предпринимать и лишь следить за строгим соблюдением нейтралитета»⁴⁾).

Между тем министр иностранных дел Дефорг не только не руководился этим правилом, но, по меткому выражению Сен-Жюста, стремился к покупке того, «что не продавалось, а предлагалось

нам даром»¹⁾, и это обстоятельство и служит, как нам уже приходилось об этом говорить, основной мишенью для нападок Сен-Жюста. Но, не довольствуясь общими рассуждениями, Сен-Жюст пытается доказать свои обвинения Дефорга и его агентов в корыстолюбии конкретными указаниями и с этой целью подробно анализирует политику Дефорга в отношении отдельных нейтральных государств. Начинает он с Турции, естественные интересы которой диктуют ей, по его мнению, нападение на Россию в союзе с Францией, и уклонение которой от этого союза является доказательством не отсутствия доброй воли, а бессилия. Если Турция не выступает против России, то это значит, что она не в состоянии этого сделать, и никакие подачки не могут изменить этого факта. Между тем на попытки подкупа Турции израсходованы громадные деньги, и Сен-Жюст полагает, что значительная часть таковых попала в карманы Энена и Декорша²⁾, «двух людей, которые, по словам Дефорга, заслуживают нашего полного доверия», а на самом деле являются «мерзавцами», «фельянтинцами», «брисотинцами», «которых лишь одна гильотина может должным образом вознаградить за их услуги»³⁾).

Равным образом осуждает Сен-Жюст и расходы на Швецию, которая все равно не может выйти из состояния нейтралитета, благодаря своей бедности, и Данию, которая нейтральна «из зависти и бедности» и продала Франции хлеб, обошедшийся на вес золота, и припасы для флота, которые так и не были получены⁴⁾).

Переходя затем к Швейцарии⁵⁾, Сен-Жюст утверждает, что Бартелеми⁶⁾, за которым он признает крупный талант, потратил громадные деньги на то, «чтобы заставить швейцарцев делать то,

¹⁾ Там же, т. II, р. 337.

²⁾ Французские представители в Константинополе.

³⁾ Vellay, op. cit., t. II, р. 339.

⁴⁾ Там же, т. II, р. р. 339—340.

⁵⁾ Сорель утверждает (Sorel, op. cit., t. III, р. 436), что «Комитет (Общественного Спасения) чувствовал влечение только к Швейцарии» и что Робеспьер, обращая внимание лишь на республиканскую форму, не отдавал себе отчета в истинном характере Швейцарской республики и считал ее естественной союзницей республиканской Франции. Между тем слова Сен-Жюста о Швейцарии решительно не совпадают с приписываемым Сорелем якобинцам отношением к этой стране. Швейцарцы 1794 года, по мнению Сен-Жюста, совсем не похожи на швейцарцев времени Вильгельма Телля; «говорить современным швейцарцам о чем-либо ином, кроме материального интереса момента, интереса денежного—это значит говорить с ними на языке Вильгельма Телля, вряд ли понятном хотя бы одному современному швейцарцу» (Vellay, op. cit., t. II, р. р. 341—2). «В Швейцарии общественное мнение продается в качестве товара, и характер торговли этой страны носит совершенно исключительный характер—за пределы страны в качестве товара продают народную кровь, а внутри государства торгуют убеждениями подданных» (Там же, т. II, р. 342); «за отсутствием других товаров, там торгуют справедливостью, свободой, людьми и мнениями» (Там же, т. II, р. 343).

⁶⁾ Французский представитель в Швейцарии.

¹⁾ Там же, т. II, р. 336.

²⁾ Там же, т. II, р. 336.

³⁾ Там же, т. II, р. р. 336—337.

⁴⁾ Там же, т. II, р. 337.

что они бы все равно делали ради собственной выгоды»¹⁾, ибо швейцарцы стремятся лишь к материальной выгоде, а «война убыточна, а нейтралитет экономен»²⁾. Вследствие этого Сен-Жюст полагает, что значительная часть расходов на Швейцарию попадает в карман Бартеlemi, и предлагает совершенно прекратить эти расходы.

От Швейцарии Сен-Жюст переходит к Генуе, в отношении которой министерство иностранных дел преследовало, по его мнению, две задачи—закупить хлеб и подготовить там революцию, «которая должна была передать Геную во власть наших принципов, а ее деньги—в нашу казну»³⁾. Первая задача была осуществлена, по мнению Сен-Жюста, блистательно, но это дело является обыкновенной коммерческой операцией, для подготовки которой вовсе не требовалось «успокаивать золотом совесть продавцов»⁴⁾; что же касается второй задачи, то она с самого начала являлась неосуществимой и вполне естественно не была достигнута. Генуя является государством торговым, а поэтому прежде всего заинтересована в сохранении нейтралитета. «Мы должны были считаться с этим обстоятельством и постараться извлечь из него всю возможную пользу; но это, конечно, не входило в расчет пьющих нашу кровь шаяков, и в Генуе, как и в других местах, стали пытаться создавать преданные нам партии, тешить нас возможностью революции и основывать якобинские клубы»⁵⁾.

Происходило все это потому, что «Тилли»⁶⁾ мерзавец и мошенник. Если при старом режиме его подлость была награждена лишь палочными ударами, то при режиме свободы его подвиги доставят ему, без сомнения, более высокую награду. Но если время для наказания виновных еще не наступило, то давно пора положить предел продолжающемуся уже пятнадцать месяцев преступному расходованию народного достояния»⁷⁾.

То же самое, что Тилли в Генуе, делали, по мнению Сен-Жюста, в Венеции Энэн и Ноэль, «два экс-бриссотинских монаха, которых ожидает революционный трибунал и о которых так пламенно вздыхает гильотина»⁸⁾. Задача, которую Франция могла преследовать в Венеции, должна была заключаться лишь в том, чтобы «заставить сохранять нейтралитет республику, которая не переставала быть нейтральной со времени Пожаревацкого мира»⁹⁾, а между тем «там, как и в других местах, нас кормили политическими баснями, там, как и в других местах, Энэн должен был установить французскую свободу,

а на льва св. Марка должны были надеть красный колпак»¹⁾. Но этого мало—в Венеции, как и в Генуе, речь шла не только о подготовке революции, но и о закупке хлеба. «Нас тешили надеждой получить в этой республике хлеб; средства для побуждения ее на совершение этой сделки были отпущены, но хлеб остался в венецианских складах. Наши эмиссары не смогли добиться своей цели и в Венеции, как и в других местах, наши расходы так же мало содействовали приобретению хлеба для республики, как и созданию революций в других государствах»²⁾.

Заканчивая на этом свой обзор международной политики Дефорга, Сен-Жюст высказывал мысль, что средства, затраченные без всякой пользы на поддержание нейтралитета и без того нейтральных государств, было бы гораздо производительнее затрачивать на подкуп генералов и политических деятелей враждебных Франции государств, и требовал прекращения производства так называемых секретных расходов для употребления в нейтральных странах.

Такова жерминальская речь Сен-Жюста о взаимоотношениях с нейтральными государствами, представляющая чрезвычайно яркий образец дальнейшего—по сравнению с осенью 1793 г.—этапа развития идеологии якобинцев в области вопросов внешней политики. Если еще в своей речи 25 вандемьера Сен-Жюст, как мы видели, обращая главное внимание на национальные задачи Франции, все же уделяет некоторое и притом довольно значительное внимание и интересам мировой революции, то к весне 1794 г. дело коренным образом меняется. Правда, Сен-Жюст все еще как будто продолжает верить в наступление мировой революции и в последовавшем вскоре за только что разобранной речью докладе 26 жерминаля Сен-Жюст утверждает, что уже скоро «Европа смешает с грязью память о тиранах»³⁾, но это уже не столько выражение действительной веры, сколько дань ставшей привычной фразеологии. На самом же деле Сен-Жюст уже решительно не верит в близость мировой революции (что вполне ясно из его насмешек над обещаниями дипломатов ускорить ее наступление), и в своих рассуждениях о международном положении Франции он совершенно не принимает во внимание возможности наступления таковой. Это вполне ясно видно уже из речи Сен-Жюста о взаимоотношениях с нейтральными государствами, полное же завершение эта точка зрения находит в докладе Сен-Жюста от 26 жерминаля, к рассмотрению которого мы теперь и перейдем.

Нам уже неоднократно приходилось упоминать об основной мысли речи Сен-Жюста от 26 жерминаля—утверждении о том, что единственным средством спасения страны является ее успокоение, и мы уже видели, что эта мысль приводила его не только к сознанию необходи-

¹⁾ Там же, т. II, р. 340.

²⁾ Там же, т. II, р. 341.

³⁾ Там же, т. II, р. р. 344—45.

⁴⁾ Там же, т. II, р. 345.

⁵⁾ Там же, т. II, р. 346.

⁶⁾ Французский представитель в Генуе.

⁷⁾ Vellay, op. cit., т. II, р. 347.

⁸⁾ Там же, т. II, р. 349.

⁹⁾ Там же, т. II, р. 348.

¹⁾ Там же, т. II, р. 347.

²⁾ Там же, т. II, р. 349.

³⁾ Там же, речь 26 жерминаля, т. II, р. 385.

мости удовлетворить приобретателей национальных имуществ, но и неизбежности заключения мира. Но, потеряв веру в близость мировой революции, Сен-Жюст естественно должен был стремиться облегчить государствам коалиции возможность заключения мира с Францией юридическими доказательствами законности существующего в ней политического строя, и именно поэтому можно утверждать, что его доклад 26 жерминаля, не содержащий ни одного слова о международных отношениях, все же посвящен не только вопросам внутренней, но, и притом в очень значительной степени, и внешней политики.

Прежде всего Сен-Жюст пытается оправдать перед иностранцами происходящую во Франции гражданскую войну:

«Враждебные нам правительства имели бы право удивляться происходящей у нас буре лишь в том случае, если бы человеческая природа не следовала определенным законам, и состояние крайнего волнения не являлось бы характерным отличием младенческого возраста всех государств. Но пусть все государства мира вспомнят то состояние, с которого началось их развитие, и мы ясно увидим, что враждебные нам правительства взялись за оружие не из любви к человечеству, а из властолюбия» ¹⁾.

После этого Сен-Жюст переходит к доказательству того, что существующий во Франции республиканский строй является отнюдь не менее законным, чем строй монархический.

«Я бы хотел знать, кем были во времена Помпея предки всех современных королей? На чем основаны права их потомков на управление Великобританией, Голландией, Испанией и Империей? И так как время не может представлять препятствий для разума, то с нашей точки зрения все эти тираны являются не чем иным, как потомками земледельцев, матросов или солдат, гораздо более достойных уважения, чем эти последние..... Появление французской республики на месте монархии является отнюдь не более странным, чем появление других европейских государств на месте римской империи. Если бы римская республика воскресла, то она бы гордилась нами и стыдилась бы своих остальных наследников» ²⁾.

Таковы те доводы, при помощи которых Сен-Жюст пытался облегчить государствам анти-французской коалиции возможность признания французской республики, и мы таким образом видим, что потеря веры в близость мировой революции, соединенная с сознанием необходимости успокоения для укрепления революции французской, приводила Сен-Жюста к стремлению к миру с монархическими противниками Франции. Как далеки только что приведенные фразы от гордых заявлений весны 1793 г. о том, что революционная добродетель не может примириться с заключением мира в то время, когда где-либо еще существуют господа и рабы!

¹⁾ Там же, т. II, р. 376.

²⁾ Там же, т. II, р. р. 376—77.

Но, стремясь к миру с коалицией, Сен-Жюст вполне ясно сознавал, что лучшим средством для его достижения является выявление перед противником внутренней силы Франции, и поэтому вполне понятно, что в своем докладе 26 жерминаля Сен-Жюст требовал усиления террора против непримиримых врагов республики и иностранцев.

Таковы основные положения речи Сен-Жюста от 26 жерминаля по вопросам внешней политики, и поскольку эта речь являлась его последним публичным выступлением (если не считать попытки произнесения его речи 9 термидора), мы можем теперь перейти к подведению итогов эволюции взглядов Сен-Жюста на международное положение Франции, распределяя ее на следующие четыре периода:

Период I относится ко всему времени, предшествующему избранию Сен-Жюста в депутаты Конвента, и выражен в его «Духе французской революции и конституции», написанном летом 1791 г. В этот период Сен-Жюст верит в скорое наступление мировой революции и соответственно этому вполне сочувствует миролюбивой внешней политике Учредительного Собрания.

Период II—осень 1792 г.—весна 1793 г. В этот период Сен-Жюст, не теряя веры в близкое наступление мировой революции, считает основной задачей Франции содействовать скорейшему наступлению этой последней и соответственно этому является сторонником идеи революционной войны. Однако, считая главнейшей задачей Франции содействие мировой революции, Сен-Жюст не забывает и ее национальных интересов, что и составляет решительное отличие его идеологии от идеологии жирондистов.

Период III—осень 1793 г. отличается от второго не качественно, а лишь количественно, так как, по мере ослабления уверенности в близком наступлении мировой революции, Сен-Жюст все менее заботится об интересах последней и все больше обращает внимания на национальные интересы Франции.

Период IV—весна 1794 г. К этому времени Сен-Жюст окончательно теряет веру в близость мировой революции и, считая вместе с тем заключение мира необходимым условием укрепления французской революции, стремится к подготовке возможности соглашения победоносной республиканской Франции с монархической коалицией.

Таковы основные этапы эволюции взглядов Сен-Жюста в области внешней политики. Их дальнейшее развитие было прервано переворотом 9 термидора, приведшим Сен-Жюста на гильотину, но вряд ли есть какие-либо основания предполагать, что дальнейшая эволюция могла в чем-либо изменить эту выясненную нами линию развития, характерную не только для Сен-Жюста, но и для многих других якобинцев, и поэтому можно с полным правом утверждать, что если бы термидорианский переворот не имел места, и власть по-прежнему продолжала бы оставаться в руках робеспьеристов, то внешняя политика Франции развивалась бы именно по тому пути, по которому она пошла в эпоху термидорианской реакции и Директории.

Экономика. Денежное обращение. Продовольственный вопрос. Земледелие; торговля и промышленность.

Если в области философских и политических вопросов Сен-Жюст еще до своего вступления на поле широкой общественной деятельности имел вполне цельную и сложившуюся идеологию, выраженную им в своем первом литературном произведении, то в области вопросов экономических он не только не имел каких-либо сложившихся взглядов, но и вообще в эту пору своей жизни совершенно не интересовался этими вопросами. Вот почему в «Духе французской революции и конституции» экономические проблемы оказались почти совершенно незатронутыми, а то немногое, что имеется там по вопросам этого рода, свидетельствует о полном незнании автора с трактуемыми им темами, несомненно вытекающем из отсутствия интереса к таковым.

Чрезвычайно характерно в этом отношении даваемое Сен-Жюстом (правда лишь мимоходом) объяснение резкого продовольственного кризиса, имевшего место в 1789—90 г.г. Кризис этот, как известно, явился результатом сильных неурожаев 1788—1789 г.г., причем правительство Неккера, опасаясь волнений со стороны населения крупных городских центров и в частности Парижа, приняло самые решительные меры для снабжения городов и в частности закупило с этой целью за границей для ввоза во Францию громадные партии хлеба. Правда, меры эти оказались очень неудачными, и некоторые ученые ¹⁾ даже считают, что они вызвали не ослабление, а усиление голода, но тем не менее остается несомненным, что в 1789—90 г.г. правительство не только не вывозило из Франции хлеба, но, наоборот, в самых широких размерах прибегало к хлебному импорту. Вот почему даваемое Сен-Жюстом объяснение продовольственного кризиса 1789—90 г.г.—«голод происходил от неурожая этого года и экспорта хлеба» ²⁾—звучит чрезвычайно странно и во всяком случае свидетельствует о весьма малом знакомстве автора с продовольственным вопросом.

Тот же самый вывод вытекает и из рассмотрения мер, предлагаемых Сен-Жюстом (опять-таки мимоходом) для облегчения голода. С одной стороны, он, по видимому (по видимому потому, что мысль эта, не высказанная прямо, вытекает из общего смысла изложения), является, в полном соответствии с только что рассмотренным объяснением причин продовольственного кризиса, сторонником запрещения вывоза хлеба за границу ³⁾, с другой же стороны, Сен-Жюст

полагает, что «свобода торговли является естественным выводом из гражданской свободы» ⁴⁾. Остается предположить, что, говоря о свободе торговли, Сен-Жюст имеет в виду лишь свободу *внутренней* торговли (и это вполне совпадает со взглядом на этот предмет, высказанным им осенью 1792 г., о чем см. ниже), но самая неясность мысли свидетельствует во всяком случае о слабом интересе к предмету, весьма характерном для этого периода жизни Сен-Жюста.

Если добавить к этим немногим замечаниям Сен-Жюста по поводу продовольственного вопроса уже отмеченное нами выше положение, что основой кредита является нравственность ⁵⁾, и утверждение о том, что «налоги должны падать на потребление, а не на производство» ⁶⁾, то мы почти исчерпаем все затронутые в «Духе» революции вопросы экономического характера. Ясно, что в 1791 г. экономика Сен-Жюста не интересовала, и обращался он к ней лишь случайно и мимоходом, а и то лишь постольку, поскольку это вытекало из изложения его основной темы—учения о способах охраны добродетели.

Мы видели выше, какое решающее влияние оказали на политические взгляды Сен-Жюста события, пережитые Францией в 1792 г. Но еще большее оказалось перевернутое произведенное ими в его экономической идеологии. Наблюдая за ходом разворачивающихся политических событий, в значительной степени связанных со вновь обострившимся в 1792 г. продовольственным вопросом, человек такого тонкого практического ума, каким был Сен-Жюст, не мог прежде всего не заметить громадной роли экономического фактора политической жизни Франции того времени, и в результате этих впечатлений Сен-Жюст, еще за год до того почти не обращавший внимания на экономические вопросы, к осени 1792 г. начинает выдвигать экономику чуть ли не на первое место.

«Монархия погибла благодаря недостаткам своей экономической политики», говорит Сен-Жюст в своей речи 29 ноября 1792 г. ⁴⁾ и делает отсюда естественный вывод—«любое государство может погибнуть вследствие недостатков своей экономической системы» ⁵⁾; «нужда родила революцию, нужда же может ее погубить» ⁶⁾. Вполне понятно, что соответственно такому новому взгляду на значение экономики Сен-Жюст должен был обратиться к детальному изучению отдельных

¹⁾ Там же, т. I, p. 325.

²⁾ Там же, т. I, p. 329.

³⁾ Там же, т. I, p. 325. Чрезвычайно характерно, что это положение мотивировано Сен-Жюстом не какими-либо политико-экономическими соображениями, а ссылкой на необходимость бороться с роскошью, которая «отравляет государство».

⁴⁾ т. I, p. 374.

⁵⁾ «Fragments», т. II, p. 511.

⁶⁾ Речь 29 ноября 1792 г. т. I, p. 377. Е. В. Тарле в своей книге «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» (Т. II, стр. 288-89), ссылаясь на находящийся в Национальном Архиве текст отпечатанной по распоряжению Конвента речи Сен-Жюста по продовольственному вопросу, относит как эту, так и цитируемую нами на стр. 62 под прим. 1 фразу к весне 1793 года.

⁴⁾ См., напр., Афанасьев, «Условия хлебной торговли во Франции в XVIII в.», стр. 438—449.

⁵⁾ «Esprit de la Révolution», т. I, p. 256. Та же мысль там же, т. I, p. 381.

⁶⁾ Там же, т. I, p. 381.

экономических проблем, и среди речей и литературных отрывков, оставшихся от этого периода жизни Сен-Жюста, есть действительно значительное количество мест, позволяющих выяснить его взгляды на отдельные экономические вопросы.

Наиболее тяжким из постигших революционную Францию экономических бедствий кажется Сен-Жюсту разложение ее денежной системы.

«Когда я прохожу по улицам этого города, то я всегда ужасаюсь тем страданиям, которые ожидают его, как и прочие города, в случае если мы не примем мер для предупреждения полного разложения наших финансов. Наша свобода исчезнет тогда с быстротой вихря, и наш триумф будет подобен раскату грома»¹⁾.

При такой точке зрения неудивительно, что Сен-Жюст во всех своих выступлениях уделял значительное внимание обсуждению проблем финансовой политики и тщательно анализировал причины падения курса ассигнаций.

Первой и основной причиной этого падения представляется Сен-Жюсту злоупотребление эмиссией, как источником покрытия государственных расходов. «Недостатком нашей экономической политики является излишек числа денежных знаков», говорит Сен-Жюст в своей речи 29 ноября 1792 г.²⁾, и мысль эта повторяется им почти во всех выступлениях, посвященных финансовому вопросу. Поэтому главная задача финансовой политики Франции должна, по мнению Сен-Жюста, заключаться в возможном сокращении размеров эмиссии, а следовательно и в крайней экономии в расходовании государственных средств. «Нужно выпускать как можно меньше денежных знаков, а для этого надо уменьшить расходы государственной казны»³⁾—вот основное положение Сен-Жюста, которое он неизменно повторяет по всякому поводу и с точки зрения которого обсуждает целесообразность всех правительственных мероприятий⁴⁾.

На ряду с основной причиной падения ценности ассигнаций, учитываемой им в их слишком значительной эмиссии, Сен-Жюст указывал и на другие причины постигшего Францию экономического бедствия—спекуляцию иностранной валютой⁵⁾ и злостные происки иностранцев, стремящихся этим путем погубить революцию⁶⁾, и видел

единственное средство борьбы с этими явлениями в терроре, под влиянием которого по его мнению «произошло некоторое повышение курса»¹⁾.

Однако, на ряду с этими взглядами на причины падения ценности ассигнаций и способы борьбы с таковой, обнаруживающими в Сен-Жюсте тонкого и вдумчивого исследователя одного из самых трудных вопросов экономической политики, Сен-Жюст высказывает по этому вопросу и целый ряд иных положений, заставляющих вспомнить о его прежних экономических взглядах. Говоря об эволюции политических взглядов Сен-Жюста, мы отметили одну характерную черту, заключающуюся в том, что Сен-Жюст всегда пытался обосновать идеологически перемены, совершавшиеся в его взглядах под влиянием практических соображений. Совершенно то же самое происходило и с эволюцией его экономических взглядов—вот почему, заинтересовавшись, под влиянием наблюдений над политической жизнью Франции, вопросами финансовой политики, Сен-Жюст захотел обосновать свои выводы с точки зрения своей философии, т. е. идеи добродетели. Посмотрим, каким образом производится это обоснование.

«... Перехожу к рассмотрению нашей экономики и состояния наших нравов. Эти два вопроса представляют между собой полную аналогию, и их нельзя рассматривать отдельно»²⁾—говорит Сен-Жюст в одном из найденных после его смерти отрывков и в дальнейшем он действительно рассматривает влияние усиленной эмиссии на нравственность. Заключается оно по его мнению в том, что падение ценности ассигнаций ведет к исчезновению стремления к накоплению, т. е. основного стимула всякой деятельности, вследствие чего «все, обладающие значительным количеством ассигнаций, перестают работать, и нравы развращаются благодаря праздности»³⁾. Результатом этого является то, что падение ценности ассигнаций грозит не только материальному благосостоянию Франции, но и состоянию нравственности ее жителей, вследствие чего борьба с этим злом вытекает из интересов не только практических, но и из идеи охраны добродетели, т. е. Сен-Жюст приходит как раз к тому, что и следовало доказать.

Но как ни относиться к этим попыткам морального обоснования практических выводов Сен-Жюста в области вопросов финансовой политики, они несколько не умаляют его заслуги в деле выяснения основной причины расстройства денежного обращения, особенно ярко выразившейся в анализе причин продовольственного кризиса, устранению которого Сен-Жюст также придавал первостепенное значение.

¹⁾ Речь 8 вантоза, т. II, р. 237. Последнее указание повидимому, относится к действительно имевшему место осенью 1793 г. некоторому, хотя и весьма кратковременному, повышению ценности ассигнаций. См. С. А. Фалькнер. «Бумажные деньги французской революции», табл. VI на стр. 180.

²⁾ «Fragments», т. II, р. 511.

³⁾ Там же, т. II, р. 512.

¹⁾ Там же, т. I, р. 376.

²⁾ Там же, т. I, р. 383.

³⁾ Там же, т. I, р. 383.

⁴⁾ Мы уже видели, что именно с этой точки зрения Сен-Жюст осуждал дипломатические попытки Франции сблизиться с нейтральными странами, не давшие никаких результатов и лишь вызвавшие значительные расходы (т. II, р. р. 335, 337, 343, 347). Но мы вместе с тем не можем согласиться с Жюресом, утверждающим (Jean Jaurès, «La Convention», т. II, р. 1753), что именно это стремление Сен-Жюста к экономии было одной из причин, вызвавших его вражду к эбертистам и дантонистам, и полагаем, что эта вражда имела более глубокие корни, о которых нам уже приходилось говорить.

⁵⁾ Речь 25 вандемьера, т. II, р. 99.

⁶⁾ Речь 11 жерминаля, т. II, р. 310.

Мы видели выше, что в 1791 г. Сен-Жюст усматривал основную причину голода в якобы производившемся Неккером экспорте хлеба за границу, но причина эта, совершенно голословная по отношению к 1789 г., являлась уже явно неприменимой к 1792 г., так как вывоз хлеба за границу был запрещен еще Учредительным Собранием. И действительно, уже в первый же раз, когда ему пришлось высказаться в Конвенте по продовольственному вопросу, а именно 29 ноября 1792 г., Сен-Жюст указал на совершенно иную причину продовольственного кризиса—падение ценности бумажных денег. «Безудержный выпуск ассигнаций является причиной происшедшего во Франции после начала революции разложения хлебной торговли»¹⁾; «дороговизна продуктов питания и всех прочих предметов объясняется излишком денежных знаков»²⁾—вот общие положения, в которых Сен-Жюст формулировал свое объяснение продовольственного кризиса, а более подробное пояснение этой мысли мы находим в следующих словах:

«В настоящее время перестали накапливать. У нас нет золота, необходимого для всякого государства, и поэтому у нас накапливают товары, а цена ассигнаций падает все больше и больше. Этим-то и объясняется дороговизна хлеба, ибо земледелец, не желающий накапливать бумажек, не хочет его продавать. Во всех остальных отраслях торговли нужно продавать, чтобы покупать, земледелец же ничего не покупает, ибо обходится без помощи рынка. Этот класс раньше привык накапливать в виде денег часть дохода со своей земли, теперь же, не желая накапливать бумажек, он предпочитает сохранять свой хлеб»³⁾.

Из этого объяснения причин постигшего Францию продовольственного кризиса Сен-Жюст и выводит те реальные меры, которые, по его мнению, являются необходимыми для его устранения. Осуществление предложенного делегацией Коммуны (ответом на выступление каковой и явилась речь Сен-Жюста) мероприятия—введения твердых цен на предметы первой необходимости, будет ударом, направленным против земледельцев, а по глубокому убеждению Сен-Жюста «строгие законы против земледельца погубят республику»⁴⁾. Но протестуя против предложения Коммуны, Сен-Жюст вместе с тем не соглашается и с жирондистами, видевшими выход из положения в провозглашении неограниченной свободы торговли—те, которые предлагают неограниченную свободу торговли, изрекают великую истину, поскольку говорят теоретически, но ведь речь идет о страданиях революционного времени»⁵⁾. Вот почему, соглашаясь на сохранение свободы хлебной торговли внутри государства, Сен-Жюст требовал запрещения

под угрозой смерти вывоза хлеба за границу¹⁾; главное же средство борьбы с дороговизной Сен-Жюст видел лишь в мерах, направленных против падения курса ассигнаций, а также предлагал принятие постановления, согласно коему «поземельный налог должен уплачиваться натурой, для чего должны быть учреждены государственные хлебные склады; тем же способом должны быть уплачены и недоимки»²⁾.

Таков взгляд на причины продовольственного кризиса и способы борьбы с ним, высказанный Сен-Жюстом в его речи 29 ноября 1792 г., и мы видим, что его точка зрения вполне совпадала со взглядами главных якобинцев, которые хотя и не сочувствовали жирондистскому стремлению к полной свободе торговли, были вместе с тем против осуществления стремления парижских народных масс к введению твердых цен на предметы первой необходимости. Но мы знаем, что уже весной 1793 г. точка зрения якобинцев на продовольственный кризис коренным образом изменилась, и что они, стремясь привлечь на свою сторону парижские рабочие массы, необходимые им для победы над жирондистами, из противников максимума сделали его решительными сторонниками. Отразилась ли эта перемена на Сен-Жюсте?

Среди всех речей и литературных отрывков, оставшихся нам от Сен-Жюста, нет ни одного места, которое дало бы возможность утверждать, что он когда-либо был сторонником закона о максимуме. Правда, во время своих поездок на фронт, Сен-Жюст всегда требовал от местных властей неуклонного соблюдения закона о максимуме³⁾, и в своих речах, произнесенных после издания этого закона, считался с ним, как с существующим фактом, и опирался на него при обсуждении различных вопросов⁴⁾, но это еще, конечно, не может служить доказательством сочувственного отношения и могло вытекать из собственного Сен-Жюсту сознания необходимости добросовестного исполнения всех постановлений Конвента. Но если у нас таким образом нет данных, указывающих на сочувствие Сен-Жюста закону о максимуме, нет точно так же указаний и на его враждебное к нему отношение. Правда, в найденных после 9 термидора литературных отрывках Сен-Жюста есть несколько фраз, которые могут быть истолкованы во враждебном к закону о максимуме смысле («... Познакомьтесь с историей и посмотрите, каков был повсюду результат таксации? Император Юлиан, таксировав в Антиохии продукты, вызвал там страшнейший голод...»⁵⁾), но внимательное изучение текста показывает, что смысл этих фраз заключается в том, что закон о максимуме не плох сам по себе, а лишь недостаточен без одновременного улучшения

¹⁾ Речь 29 ноября 1792 г. т. I, p. 375.

²⁾ Там же, т. I, p. 377.

³⁾ Там же, т. I, p. 379.

⁴⁾ Там же, т. I, p. 379.

⁵⁾ Там же, т. I, p. 380.

¹⁾ Там же, т. I, p. 385.

²⁾ Там же, т. I, p. 384—85.

³⁾ Напр.; т. II, p. 116.

⁴⁾ т. II, p. 80—81.

⁵⁾ «Fragments», т. II, p. 513.

правов¹⁾, что вполне подтверждается и словами речи 19 вандемьера о том, что «принятые нами законы о продовольствии были бы хороши, если бы люди не были плохими»²⁾. Но если даже и предположить, что в отношении закона о максимуме высказанная Сен-Жюстом осенью 1792 г. точка зрения на продовольственный вопрос оставалась и в дальнейшем без изменения, то события 1793 г. явились все же причиной некоторой эволюции в отношении Сен-Жюста к продовольственному вопросу. Заключалась она в том, что если осенью 1792 г. Сен-Жюст считал основной причиной дороговизны падение ценности ассигнаций, т. е. явление порядка объективного, то в 1793—94 г.г. он обращает главное внимание на иной фактор—злую волю врагов революции. Приписывая попрежнему значительное влияние на продовольственный кризис падению ценности ассигнаций и присоединяя к этому еще указание на влияние блокады³⁾, плохого транспорта⁴⁾ и отсутствия кредита⁵⁾, Сен-Жюст считает одной из важнейших причин голода происки иностранцев и внутренних контр-революционеров, надеющихся посредством голода довести народ до отчаяния и бросить его в объятия контр-революции⁶⁾. Поэтому вполне понятно, что к прежнему средству борьбы с голодом—противодействию падению ценности ассигнаций, а следовательно экономии—Сен-Жюст присоединяет в этот период и новое—террор⁷⁾.

Но наряду с экономией и террором, Сен-Жюст указывает в это время еще на одно средство облегчения продовольственного кризиса, непосредственно вытекающее из совершившейся к этому моменту (под влиянием победы революции) перемены его политических взглядов. Это средство—успокоение.

«Если вы хотите, чтобы вернулось изобилие, нужно . . . восстановить гражданское доверие, нужно показать, что революционный порядок управления означает не войну и право сильного, а переход от зла к добру . . .»⁸⁾.

Но мы уже знаем, что этой последней перемене во взглядах Сен-Жюста не было суждено получить дальнейшего развития, вследствие чего и его новый взгляд на способы облегчения продовольственного

кризиса остался лишь мимоходом намеченным положением, свидетельствующим о гениальной прозорливости Сен-Жюста и о широте открывавшихся весной 1794 г. перед якобинцами политических и экономических возможностей, волею исторической судьбы оставшихся неосуществленными.

Наше изложение экономических воззрений Сен-Жюста было бы неполным, если бы мы не сказали несколько слов об его отношении к земледелию, торговле и промышленности. Хотя главную роль в экономической жизни страны Сен-Жюст всегда приписывал земледелию и, чрезвычайно интересуясь положением крестьян, не обратил никакого внимания на условия жизни рабочих¹⁾, но происходило это вовсе не оттого, что он подобно физиократам считал обработку земли единственной формой производительного труда, а по той простой причине, что Сен-Жюст исходил прежде всего из своей нравственной доктрины и полагал, что «земледелие является матерью добродетели»²⁾. Но это предположение, оказываемое Сен-Жюстом земледелию, вовсе не мешало ему вместе с тем думать, что «только торговля и промышленность могут в наше время вызвать процветание свободного государства»³⁾, а в своем написанном из Страсбурга письме к Робеспьеру от 24 фримера (14 декабря 1793 г.) Сен-Жюст писал: «Советую тебе заставить принять меры для выяснения того, работают ли все французские мануфактуры и фабрики, и оказать им должное покровительство»⁴⁾.

Мы видели выше, что принципы внешней политики Сен-Жюста строились до известной степени под влиянием его соображений в области финансов, и совершенно такое же влияние на них оказали его торгово-политические идеи. Это выразилось особенно ярко в его речи 25 вандемьера (16 октября 1793 г.), когда Сен-Жюст, вполне одобряя запрещение торговли с английскими подданными на том основании, что Англия всегда ввозила во Францию лишь готовые фабrikаты и тем препятствовала развитию французской промышленности, требовал вместе с тем допущения торговли с остальными враждебными Франции государствами, мотивируя это тем, что они доставляют Франции необходимое для ее промышленности сырье⁵⁾. Впрочем, последняя мысль Сен-Жюста была им впоследствии оставлена (вероятно, вследствие того, что он убедился, что торговля с враждебными стра-

¹⁾ Там же, т. II, р. 513. Так. обр. Сен-Жюст рассуждает здесь не с экономической, а излюбленной им моральной точки зрения.

²⁾ Речь 19 вандемьера. т. II, р. 82.

³⁾ Там же, т. II, р. 81.

⁴⁾ Там же, т. II, р. 82.

⁵⁾ Речь 26 жерминаля, т. II, р. 373.

⁶⁾ Речь 11 жерминаля, т. II, р. 310; речь 26 жерминаля т. II, р. р. 367, 368, 370, 371; «Fragments», т. II, р. 513. Основания для этого утверждения Сен-Жюста заключались в том, что так называемые «бешеные», которых якобинцы считали контр-революционерами, действительно утверждали, что при старом режиме народу жилось лучше, хотя никаких контр-революционных выводов они из этого не делали. См. об этом Я. М. Захер «Жак Ру», стр. 19—20.

⁷⁾ Речь 8 вантоза т. II, р. 237.

⁸⁾ Речь 26 жерминаля, т. II, р. 371.

¹⁾ Единственным случаем, когда Сен-Жюст упоминает о рабочих, является его речь 29 ноября 1892 г., в которой он мимоходом отмечает существование безработицы (т. I, р. 377). Кроме этого случая, Сен-Жюст никогда ни единым словом не коснулся положения рабочего класса.

²⁾ «Esprit de la Révolution», т. I, р. 326.

³⁾ Там же, т. I, р. 325.

⁴⁾ т. II, р. 162.

⁵⁾ Речь 25 вандемьера, т. II, р. 99.

нами, не принося Франции никакой пользы, содействует лишь развитию спекуляции и облегчает организацию контр-революционных восстаний) и в своем жерминальском выступлении в Комитете Общественного Спасения по вопросу о взаимоотношениях с нейтральными государствами Сен-Жюст отстаивал мысль, что «торговля может быть дозволена лишь с нейтральными государствами»¹⁾.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Социальные отношения. Богатые и бедные. Право собственности.

Интерес к вопросам социального характера зародился у Сен-Жюста гораздо раньше, чем к вопросам экономическим, и уже в его «Духе французской революции и конституции» мы находим более или менее продуманную социальную идеологию. Объясняется это тем, что вопросы социальные по самому своему существу довольно близко касались основного вопроса, интересовавшего Сен-Жюста в эту пору его жизни—учения о добродетели, и связь эта выразилась особенно ярко в том, что социальные вопросы освещались им прежде всего с моральной стороны. Эта особенность идеологии Сен-Жюста бросается в глаза при первом же ознакомлении с социальными взглядами, выраженными в «Духе революции».

Сен-Жюст в этот период своей жизни является убежденным сторонником принципа частной собственности. Он, правда, допускает, что при естественном состоянии собственности не существовало, но мы ведь уже знаем, что Сен-Жюст вовсе не являлся сторонником возвращения к естественному состоянию, да к тому же «собственность мешает распространению испорченности»²⁾, «делает человека бережливым, привязывает к родине неблагодарные сердца»³⁾. Вполне понятно, что исходя из такой точки зрения, Сен-Жюст не только считает имущественное равенство ненужным⁴⁾, но и утверждает, что «там, где люди были бы социально равными, не было бы никакой гармонии»⁵⁾, тогда как при неравенстве имуществ такая гармония существует, ибо «промышленность доставляет бедняку средства существования»⁶⁾.

Моральный подход Сен-Жюста к рассмотрению социальных проблем выявляется особенно резко в его идеализации крестьянства «Крестьянину не хватает не предприимчивости, а рабочих рук. Оставьте ему его детей, из которых вы делаете плохих солдат; возвратите к земле ушедшую в города прислугу; пусть земледелец обогащается своими силами без постороннего вмешательства, тогда его

добродетель будет лучшим удобрением для полей, и вы больше не увидите бедных. Сельское хозяйство, ставшее могучим источником обогащения, будет тогда достаточно почитаемо; богатый землевладелец, не боясь насмешек, станет сам обрабатывать свои поля, а мелкий собственник вместо того, чтобы бедствовать в городе, найдет в своем маленьком участке убежище от разорения и тяжести налогов»¹⁾.

Таковы были социальные убеждения Сен-Жюста в 1791 г., но им недолго пришлось оставаться неизменными—с ними случилось то же самое, что и с его политическими и экономическими воззрениями. Бурные события 1792—93 г.г. показали Сен-Жюсту, что идеализируемые им имущие классы зачастую являются врагами революции, а классы неимущие—ее вернейшими защитниками, и вполне понятно, что в связи с этим открытием Сен-Жюст должен был произвести полный пересмотр своей социальной идеологии.

Мы уже видели, что во время своего пребывания на фронте, Сен-Жюст был вынужден, оставив в стороне всякие теоретические убеждения, бороться с мешавшими обороне богатыми и помогать бедным, казавшимся наиболее твердой опорой революции, а наблюдения Сен-Жюста над экономической жизнью Франции вполне подтвердили необходимость такой политики.

Уже одно стремление богатых к дальнейшему обогащению, само по себе, без всяких умышленных контр-революционных намерений, лишь и рядом вредит революции—таков первый вывод, к которому Сен-Жюст приходит в 1792—94 г.г. Относится это прежде всего к противодействию, оказываемому богатыми закону о максимуме, ибо закон этот, «вдвое увеличив ценность их богатств, вместе с тем вдвое увеличил их покупательные средства»²⁾, вследствие чего «после установления закона о максимуме враги народа, более богатые, чем его друзья, стали покупать по ценам выше максимальных»³⁾, так что в Париже богатые поедают хлеб, необходимый для прокормления народа, и устраивают себе обеды по сто эку с человека»⁴⁾. Не ограничиваясь постоянным нарушением закона о максимуме и нежеланием продолжать деятельность своих промышленных предприятий⁵⁾, богатые по мнению Сен-Жюста пользуются им в своих интересах (и это приводит к тому, что «земледелец скоро оставит свою соху, ибо ему будет выгоднее служить богатому»⁶⁾) и спекулируют на продовольственных припасах, ассигнациях и национальных имуществвах⁷⁾. Но было бы еще полбеды в том, если бы богатые стремились лишь к своему обогащению; беда же заключается в том, что значитель-

¹⁾ т. II, p. 334.

²⁾ «Esprit de la Révolution», t. I, p. 284.

³⁾ Там же, t. I, p. 285.

⁴⁾ Там же, t. I, p. 266.

⁵⁾ Там же, t. I, p. 272.

⁶⁾ Там же, t. I, p. 325.

¹⁾ Там же, t. I, p. 327.

²⁾ Речь 19 вандемьера, t. II, p. 78.

³⁾ Там же, t. II, p. 82.

⁴⁾ Речь 23 вантоза, t. II, p. 260.

⁵⁾ Письмо к Робеспьеру от 24 фримера, t. II, p. 162.

⁶⁾ Речь 19 вандемьера, t. II, p. 80.

⁷⁾ Речь 26 жерминаля, t. II, p. 369.

ная часть богатых является вместе с тем и контр-революционерами — «богатства находятся в руках довольно значительного числа врагов революции»¹⁾, а орудиями заграницы являются не только дворяне и иностранцы, но и «праздные»²⁾.

Вот к каким выводам привело Сен-Жюста изучение общественных взаимоотношений 1792—94 г.г., но мы уже знаем, что одной из наиболее характерных черт Сен-Жюста являлось стремление подвести идеологическое обоснование под эмпирически полученные положения, и черта эта сказалась и в данном случае. Яркими красками описывая практический вред, приносимый богатыми делу революции, Сен-Жюст вместе с тем старается осудить богатство и с точки зрения излюбленной им моральной доктрины, что, конечно, приводит его к полному противоречию с его прежними социальными взглядами, выраженными в «Духе революции», но это противоречие несколько не смущает Сен-Жюста, и он оправдывает его утверждением, что «опыт, основанный на страдании, научает мудрости»³⁾. Результатом этого стремления к идеологическому обоснованию отрицательного отношения к богатым явилось то, что Сен-Жюст, еще в 1791 г. видевший в собственности одно из средств охраны добродетели, в 1793 г. противопоставляет собственности труд, как одну из основных форм добродетели.

«Принципом нравственности является то, чтобы все работали на пользу отечества, и никто не оставался бы праздным»⁴⁾; «все должны работать»⁵⁾; «государство тем крепче, чем в нем больше работают»⁶⁾; «если вы хотите узнать, сколько времени просуществует наша республика, то выясните количество производимого в ней труда»⁷⁾. Вполне естественно, что выводом из этого трудового начала является утверждение, что «в мудро устроенном государстве хлеб по праву принадлежит народу»⁸⁾, вследствие чего зависимость бедных от богатых является оскорбительной⁹⁾, а «хлеб, получаемый от богатого, горек и грозит опасностью для свободы»¹⁰⁾.

Осуждая экономический строй, при котором существует разделение на богатых и бедных, Сен-Жюст противопоставляет ему иной строй, где все люди являются собственниками и, не пользуясь роскошью, имеют все необходимое для удовлетворения своих потребностей.

Мы видели выше, что такой идеал рисовался Сен-Жюсту еще в 1789 г., когда он еще не видел ничего предосудительного в существующем социальном неравенстве, и вполне понятно, что его новые взгляды на социальный вопрос должны были значительно усилить его стремление к осуществлению этого мелкобуржуазного идеала.

Основой этого идеала является принцип имущественного равенства — «истинный гражданин тот, кто имеет не больше того, что дозволяется законом»¹⁾ «нужно, чтобы каждый человек был независимым, чтобы каждый человек имел хорошую жену и здоровых и сильных детей; не должно быть ни богатых, ни бедных»²⁾.

Не довольствуясь формулировкой этих общих принципов, Сен-Жюст рисует картину своего понимания социального счастья, особенно ярко подчеркивающую моральный характер его общественной идеологии.

«Счастье, которое мы вам предлагаем, не похоже на счастье Персеполя, удовлетворяющее лишь развратителей человечества; мы предлагаем вам счастье Спарты и Афин в лучшие времена их существования, счастье добродетели, довольства и умеренности. Мы предлагаем вам счастье, вытекающее из пользования всем необходимым, но без излишества, ... счастье пользования хижинкой и полем, обрабатываемым собственными руками... Счастье, которое мы вам предлагаем, не похоже на счастье развращенных народов... Соха, поле и хижина, защищенные от притязаний казны; семья, находящаяся в безопасности от нападения грабителей — вот истинное счастье»³⁾.

Но и эта картина общественного благополучия не кажется Сен-Жюсту достаточно полной, и в найденных после его смерти отрывках сочинения, рисующего картину будущего устройства Франции, имеется конкретное изображение общественного идеала Сен-Жюста. Как и следовало ожидать, зная моральный характер его социальной идеологии, утопическая картина будущей Франции рисуется Сен-Жюстом главным образом в отношении институтов семейного права, наиболее близко связанных с нравственностью, но наряду с этим имеется и ряд страниц, относящихся до социального устройства в тесном смысле этого слова. Нам уже приходилось говорить об организации воспитания, которое в утопии Сен-Жюста носит ярко выраженный государственный характер, построенный по образцу спартанского воспитания (конечно, в том виде, к какому оно рисовалось людям XVIII века), теперь же мы должны прежде всего отметить, что в утопическом государстве Сен-Жюста *частная собственность сохраняется* — «никто не может быть ограничиваем в пользовании своими богатствами и в выборе своих удовольствий, поскольку он не причиняет этим вреда третьему лицу»⁴⁾. Но сохраняя таким образом

¹⁾ Речь 8 вантоза, т. II, р. 238.

²⁾ Речь 23 вантоза, т. II, р. 261. Впрочем чрезвычайно характерно, что мысль эта, составляющая одно из основных положений учения «бешеных», затрагивается Сен-Жюстом лишь мимоходом. Ср. Я. М. Захер, «Жак Ру», стр. 18—19.

³⁾ «Fragments», т. II, р. 514.

⁴⁾ Речь 24 апреля 1793 г., т. I, р. 425.

⁵⁾ «Fragments», т. II, р. 509.

⁶⁾ Речь 24 апреля 1793 г., т. I, р. 425.

⁷⁾ Там же, т. I, р. 425.

⁸⁾ Речь 19 вандемьера, т. II, р. 79.

⁹⁾ Там же, т. II, р. 79.

¹⁰⁾ Там же, т. II, р. 79.

¹⁾ «Fragments», т. II, р. 506.

²⁾ Там же, т. II, р. 514.

³⁾ Речь 23 вантоза, т. II, р. 267.

⁴⁾ «Fragments», т. II, р. 528.

институт частной собственности, Сен-Жюст подвергает его некоторым стеснениям, ограничивая, во-первых, право наследования одними лишь ближайшими родственниками¹⁾ и вводя, во-вторых, обязательную трудовую повинность (что вполне соответствует взгляду Сен-Жюста на труд, как необходимое условие добродетели), вследствие которой и всякий землевладелец²⁾, не занимающийся каким-либо ремеслом и не несущий какой-либо государственной должности, обязан обрабатывать землю в возрасте от 25 до 50 лет³⁾. Принуждая таким образом к труду всех граждан своего воображаемого государства, Сен-Жюст вводит вместе с тем правило, согласно коему государство обязано обеспечивать не только граждан, отличающихся особой добродетелью, и великих людей, но также «сирот, покинутых детей..., потерявших свои стада, пострадавших от пожара и всех тех, имущество коих погибло от войны, бури и прочих народных бедствий»⁴⁾.

Таковы социальные взгляды, к которым привело Сен-Жюста его стремление идеологически обосновать полученное им в результате наблюдения над событиями французской революции отрицательное отношение к богатым. Но было бы неправильно думать, что, приблизившись в своей утопии к социализму (конечно лишь в той форме, в какой последний существовал в XVIII веке), Сен-Жюст требовал немедленного осуществления всех теоретических предлагаемых им мероприятий. Нет, возвращаясь из царства фантазии в область реального мира, Сен-Жюст как будто бы забывал все построения, полученные им в результате своего стремления идеологически обосновать свои эмпирические выводы и требовал лишь принятия мер, представлявшихся ему практически необходимыми вовсе не для торжества добродетели, а лишь для обеспечения победы революции.

Единственным исключением является в этом отношении предложение раздачи бедным земли, которое Сен-Жюст делал не только в своей утопии, но и в конвентных речах («...если вы раздадите земли всем немущим... то я признаю, что вы действительно сделали революцию»⁵⁾), но это предложение делалось в столь неопределенной и общей форме, что должно быть признано лишь данью отвлеченной идеологии, а вовсе не проектом мероприятия, рассчитанного на практическое осуществление. Впрочем, в оставшихся после Сен-Жюста бумагах имеется отрывок, указывающий на то, что, говоря о необходимости обеспечения бедных земель, Сен-Жюст вовсе не имел в виду передачи им земли на праве собственности—«не производя раздела земель, следует лишь произвести раздел их аренды»⁶⁾.

¹⁾ Там же, т. II, р. 522—23.

²⁾ Надо иметь в виду, что в своей утопии Сен-Жюст исходит из предположения, что в его утопическом государстве все люди являются землевладельцами.

³⁾ «Fragments», т. II, р. 518.

⁴⁾ Там же, т. II, р. 535.

⁵⁾ Речь 23 вантоза, т. II, р. 268.

⁶⁾ «Fragments», т. II, р. 537.

В чем же заключались ~~предложения~~ Сен-Жюстом практические мероприятия социального характера? Их можно формулировать следующими словами: обезвредить богатых, поскольку они активно вредят революции, и помочь бедным, поскольку они ей помогают.

Мы видели выше, что наблюдение над событиями 1792—94 г.г. привело Сен-Жюста к выводу, что богатые вредят революции не только потому, что среди них есть значительное количество контр-революционеров, но и потому, что их стремление к наживе мешает осуществлению экономической политики революции, в частности закона о максимуме. Результатом этого положения и явился вывод, что «надо уменьшить размеры богатств и принудить имеющих слишком много к экономии»¹⁾; «надо отнять земли у всех негодяев»²⁾, реальным осуществлением чего должны были служить принудительный заем и конфискация имуществ лиц, осужденных за контр-революцию.

Требую так. обр. борьбы с богатыми, являющимися врагами революции, Сен-Жюст вместе с тем требовал поддержания бедных, являющихся ее естественными союзниками.

«Неужели же вы думаете, что народ проливает свою кровь на границах Франции и все семьи несут траур по своим погибшим детям лишь для того, чтобы обеспечить доходы своих тиранов? Вы должны признать правильность принципа, что лишь тот может обладать в нашем отечестве какими-либо правами, кто содействовал его освобождению. Устраните нищенство, позорящее свободное государство; собственность патриотов священна, но имущество заговорщиков должно быть использовано для обеспечения немущих. Бедняки суть хозяева вселенной, они имеют право обращаться как повелители с незаботящимися о них правительствами»³⁾.

Но бедные не только естественные союзники революции в борьбе с контр-революционерами, революция должна считаться с нуждами бедных, если она хочет победить». «Я утверждаю, что свобода не может оказаться устойчивой, если будет возможным поднять бедняков против нового порядка вещей»⁴⁾.

Призыв к помощи бедным не остался в устах Сен-Жюста одним риторическим упражнением—мы уже видели, что во время своей деятельности на фронте он неизменно заботился о благополучии не только армии, но также и немущего мирного населения; мы видели также, что именно по его предложению был принят закон, поручавший правительственным комитетам озаботиться обеспечением немущих патриотов при помощи отобранных у контр-революционеров богатств. Но было бы глубочайшей ошибкой думать, что, борясь с богатыми контр-революционерами и поддерживая немущих патрио-

¹⁾ Речь 19 вандемьера, т. II, р. 80.

²⁾ Речь 23 вантоза, т. II, р. 268.

³⁾ Речь 8 вантоза, т. II, р. 238.

⁴⁾ «Fragments», т. II, р. 513.

тов, Сен-Жюст вместе с тем боролся с собственниками и собственностью, как таковыми. Нам уже неоднократно приходилось отмечать, что Сен-Жюст, если и не сознавал, то во всяком случае очень ясно чувствовал буржуазный характер революции, и уже по одному этому вполне понятно, что, доходя в своих идеологических построениях до идеализации имущественного равенства, Сен-Жюст в области реальной политики неизменно стремился к обеспечению права собственности, как такового. Это стремление к успокоению собственников красной нитью проходит через всю политическую деятельность Сен-Жюста и идет настолько далеко, что при столкновении этого стремления со столь дорогой Сен-Жюсту идеей охраны добродетели, практические соображения оказываются сильнее идеологических построений, и победительницей выходит идея собственности, а не добродетели. Так было, напр., с уже упомянутым нами взглядом Сен-Жюста на недопустимость принуждения крестьян продавать продукты своего труда, когда Сен-Жюст, вполне соглашаясь с тем, что результатом невмешательства государства в экономическую жизнь крестьян явится развитие среди них роскоши и праздности, и считая вместе с тем, что и та и другая содействуют падению добродетели, тем не менее считает это развитие не только допустимым, но и желательным ¹⁾.

Но случай этот все же является исключительным, и в виде общего правила можно сказать, что стремление Сен-Жюста к успокоению собственников не только не противоречило его моральной идеологии, но уживалось с ней в полном мире и согласии. Но ради стремления успокоить собственников Сен-Жюст был готов не только пожертвовать своими моральными убеждениями, но также и отказаться от многих мероприятий, необходимых по его мнению для улучшения экономического положения Франции—так, напр., хотя он и признает невыгодность продажи национальных имуществ по старым ценам, установленным еще до начала падения ценности ассигнаций, но тем не менее считает нужным сразу же заявить: «Я прибегаю к этим рассуждениям вовсе не для того, чтобы встревожить покупателей. Каковыми бы ни были убытки, которые несет от этого государство, потеря веры в национальный кредит была бы несравненно большим злом, и добросовестность французского народа вполне гарантирует неприкосновенность интересов приобретателей национальных имуществ» ²⁾.

Если Сен-Жюст рассуждал таким образом еще тогда, когда стремление защитить революцию от угрожавших ей внутренних и внешних опасностей толкало его на решительную борьбу с вредившими революции богатыми, то вполне понятно, что стремление охранить собственность должно было сделаться основным стимулом политики Сен-Жюста в тот момент, когда по его мнению исчезли главнейшие из этих опасностей. Нам уже неоднократно приходилось

говорить о речи Сен-Жюста 26 жерминаля (16 апреля 1794 г.), и мы теперь отметили лишь те места, в которых стремление к успокоению приобретателей национальных имуществ выразилось особенно ярко.

«Нужно укрепить все права, успокоить все приобретения; нужно делать как можно меньше изменений в порядке платежей, дабы предотвратить этим новые страхи и новые волнения»... ¹⁾. Главная вина эбертистов и заключается по мнению Сен-Жюста как раз в том, что они своей политикой делали это успокоение невозможным.

«...Но вот явился Эберт и нагнал на парижскую торговлю такую панику, что стало совершенно невозможным снабжать этот город продовольствием. Из Парижа паника распространилась по всей Франции, и, начиная с этого времени, векселя исчезли из обращения. Париж поссорили с морскими портами и производительными местностями» ²⁾.

Теперь же, когда эбертисты были побеждены, основной задачей республики по мнению Сен-Жюста и должно было явиться стремление к восстановлению в стране спокойствия, необходимого для возрождения ее экономической жизни, и мы уже знаем, что Сен-Жюст предложил ряд практических мер, направленных к осуществлению этой цели, главнейшими из которых являлись ограничение реквизиций и борьба с злоупотреблениями местных властей. Предложения Сен-Жюста и легли в основу знаменитого декрета 27 жерминаля. Если содержание этого декрета осталось неосуществленным и якобинцам не удалось при помощи своевременной перемены политики достигнуть укрепления своей власти, то ответственность за это падает во всяком случае не на Сен-Жюста, до конца жизни оставшегося верным основным мыслям своей жерминальской речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Произведенный нами анализ идеологии Сен-Жюста с несомненностью показывает, что в личности Сен-Жюста имелось налицо два элемента, уживавшиеся друг с другом далеко не особенно дружелюбно приходившие иногда в решительное столкновение—Сен-Жюст теоретик и Сен-Жюст практик. Остановимся несколько подробнее на этом раздвоении, ибо историческая ценность обоих элементов личности Сен-Жюста является далеко не одинаковой и выяснение ее требует некоторых дополнительных исследований.

Сен-Жюст, вступая осенью 1792 г. на арену широкой политической деятельности (ибо его предыдущая деятельность в Бланкенурге и муниципальном управлении Энского департамента, конечно, не мо-

¹⁾ Речь 29 ноября 1792 г. т. I, p. 379.

²⁾ Речь 19 вандемьера, т. II, p. 80.

¹⁾ Речь 26 жерминаля, т. II, p. 369.

²⁾ Там же, p. 370.

жет почитаться за таковую), являлся типичным французским интеллигентом, воспитанным на чтении великих писателей XVIII века — прежде всего и, главным образом, Жан-Жака Руссо, а также Мабли и Морелли.

Все идеи, изложенные Сен-Жюстом в его первом литературном произведении (включая сюда полное отсутствие интереса к экономическим вопросам и исключительное господство идеи добродетели), являются не чем иным, как заимствованием из общераспространенных источников идей того времени, а изменения, внесенные в них Сен-Жюстом (и приводящие его иногда, как мы видели, к полному противоречию с самим собой), были не настолько глубоки, чтобы придать этому исследованию характер более или менее оригинального произведения. Именно поэтому мы считали себя в праве отнестись с некоторым недоверием к рассказу Барера о крупном успехе, встреченном исследованием Сен-Жюста о «Духе французской революции и конституции», и полагаем более вероятным предположить, что это произведение молодого публициста постигла та же участь, что и бесчисленное количество написанных в те годы подобного рода брошюр. Но мы уже знаем, что идеи, изложенные в «Духе революции», не явились последней ступенью идеологического развития Сен-Жюста и что одной из его характернейших черт являлось желание идеологически обосновать положения, полученные в результате практической политической работы. Однако характер позднейших идеологических построений Сен-Жюста решительно ничем не отличается от его первых опытов подобного рода, и Сен-Жюст, пытаясь подвести тот или иной теоретический фундамент под эмпирически полученные выводы, никогда не создавал при этом чего-либо самостоятельного, а неизменно пользовался более или менее ходовыми идеями времени, не стесняясь даже их противоречием с высказанными им ранее положениями. Особенно характерным примером может послужить в этом отношении социальная утопия Сен-Жюста, целиком заимствованная (хотя, конечно, с некоторыми и порой довольно крупными изменениями) из утопий Мабли и Морелли, носящих подобно утопии Сен-Жюста ярко выраженный моральный характер.

Но если таким образом историческая ценность Сен-Жюста — теоретика является весьма невысокой, то нечто совершенно иное следует сказать о Сен-Жюсте — практике¹⁾.

Уже самая легкость, с которой Сен-Жюст менял под влиянием внешних событий свои теоретические убеждения, указывает на то, что Сен-Жюст был по своей природе более практиком, чем теоретиком, а изучение его биографии показало нам, что именно незаурядные

организационные способности быстро выдвинули молодого депутата значительного числа его коллег, да и колоссальная практическая бота, выполненная им во время пребывания на фронте, свидетельствует о недюжинности личности Сен-Жюста. Но как ни важны были организационные способности Сен-Жюста для его современников, историческая ценность его личности заключается все же не в этом, в проявленных им качествах перворазрядного политического деятеля, свойственных, впрочем, не ему одному, но также и большинству о товарищей — якобинцев, а также и в том, что, необычайно ясно чувствуя (скорее бессознательно, чем сознательно, но это в данном случае неважно) социальный характер французской революции, Сен-Жюст чрезвычайно полно выразил в своем лице классовый характер якобинизма. Последняя черта должна была, конечно, ярче всего сказаться в социальной политике Сен-Жюста, к анализу природы которой мы теперь и перейдем.

Мы видели выше, что одной из основных сторон деятельности Сен-Жюста являлась его борьба с богатыми, но эта борьба неизменно была не экономический, а исключительно лишь политический характер — Сен-Жюст боролся с богатыми не потому, что ненавидел богатство, а лишь потому, что находил, что богатые вредят революции. И так же, поддерживая бедных, Сен-Жюст делал это вовсе не потому, что это вытекало из его социальной программы (напротив того, мы уже видели, что эта последняя была лишь попыткой обосновать реальную политику), а лишь имея в виду укрепить этим способом революцию и надеясь этим путем отвлечь низшие классы от поддержки ждебных якобинцам эбертистов¹⁾. Правда, что, пытаясь подвести свою социальную политику идеологический фундамент, Сен-Жюст сплошь и рядом сбивался с тона и переходил к осуждению богатства, как такового, но мы уже видели, что это было лишь данью привычному взглядам конца XVIII века, а моральный характер этого осуждения чрезвычайно ярко подчеркивает отличие *философского* осуждения богатства Сен-Жюстом от *классовой* ненависти к нему «небедных». Общим же тоном всей деятельности Сен-Жюста являлось полное господство политики над экономикой, и если он тем не менее обращал значительное внимание на экономические вопросы, то мы уже знаем, что это объясняется лишь его убеждением в том, что «нужда породила революцию, нужда же может ее погубить».

Вот в этом господстве интереса к политике над интересом к экономике и заключается основная черта как Сен-Жюста, так и всех вообще якобинцев, решительно отличающая (несмотря на полное сходство многих волеизъявлений тех и других) мелкобуржуазных якобинцев от выражавших в своем лице интересы полу-пролетар-

¹⁾ С этим, повидимому, согласен и Жорес, утверждающий, что «несмотря на их идеологическую оболочку, робеспьеристы и в особенности Сен-Жюст отличались острым пониманием действительности» (Jean Jaurès, «La Convention», t. I, p. 361).

¹⁾ Эта черта особенно ярко проявилась в речи Сен-Жюста от 8 вантоза, предшествовавшей нападению якобинцев на эбертистов, и потому имевшей целью оттолкнуть от последних народные массы и привлечь их на сторону якобинцев.

ских низов Парижа «бешеных», обращавших внимание исключительно лишь на вопросы экономического характера.

Буржуазный характер идеологии Сен-Жюста, чрезвычайно ярко выразившийся во всех его социальных взглядах, нашел свое полное завершение в столь характерном для него стремлении к защите права собственности вообще и интересов приобретателей национальных имуществ в особенности. Здесь ярче, чем у кого бы то ни было из прочих якобинцев, сказалась их классовая природа, делавшая их (несмотря на большую субъективную революционность «бешеных») наиболее передовой партией французской революции, боровшейся за экономическое развитие Франции, и в этом необычайно ярком выявлении классового характера якобинизма и заключается, на наш взгляд, основная историческая ценность фигуры Сен-Жюста.

Об авторе: В.Золотарев. Яков Михайлович Захер

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakh_zolot.pdf

Я.Захер. Последний период деятельности Жака Ру

http://vive-liberta.narod.ru/journal/journal/zakher_roux58.pdf

Я.Захер. «Бешеные», их деятельность и историческое значение

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_enrages.pdf

Я.Захер. Жан Варле во время якобинской диктатуры

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakh_varlet.pdf

Я.Захер. Дехристианизаторская деятельность Фуше

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fouchet_zakher.pdf

Я.Захер. Теофиль Леклерк и его «Друг народа»

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_leclerc.pdf

Я.Захер. Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_roux.pdf

Я.Захер. Парижские секции 1790-95 годов: политическая роль и организация

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_paris.htm

Я.Захер. Девятое термидора

http://pylippel.newmail.ru/bibliotheque/zacher_t.html